

Памяти Андрея Платонова

Павел ФИНН

Константин ЛОПУШАНСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЛОТНИКОВЕ ИГНАТЕ (оригинальный киносценарий)

Город-городок сибирский... Назовем его Головатовск...

Тысяча девятьсот двадцать третий год. Осень. Дожди...

Больница, потемневшее от дождей деревянное двухэтажное строение.

Двор. Костры.

Подводы, мужики, бабы, много детей. Трясут над огнем одежонку.

Командует всем пожилой фельдшер в ватнике поверх белого халата.

Через двор быстро, отмахиваясь от подступающих к нему людей, идет высокий худой человек в белом халате и сапогах. Молодая жиденькая борода, лицо осунувшееся, утомленное.

— Товарищ Вайнтрауб! — окликает его фельдшер. — Доктор!

Не оборачиваясь, доктор Вайнтрауб входит в здание больницы.

Коридор.

Голые, в одних трусиках, худые, как скелетики, дети, совсем маленькие и постарше, держа в руках одежду, стоят у стены в затылок друг другу. Медсестра, почти девочка, сбиваясь, пересчитывает их по головам.

Кидается к доктору.

— Что же это? — вскрикивает она со слезами в голосе. — Еще двадцать! Куда?

— Всех разместить! — коротко бросает доктор и идет дальше.

Один мальчик, совсем истощавший, слабый от голода, забился в темный угол. Тихо и без смысла смотрит перед собой, а руками безостановочно гладит свой впавший живот. Кончики пальцев чернеют ранками.

Доктор осторожно трогает его за плечо. Мальчик, словно во сне, медленно поднимает глаза. Улыбается, как будто он не здесь.

В конце коридора закуток отгорожен ситцевой застиранной занавеской, изнутри просвеченной керосиновой лампой.

Стол, стулья, железная кровать. На столе бумаги, пробирки, стетоскоп, чайник. Кабинет доктора Вайнтрауба.

У стола, охватив обеими руками кружку с кипятком, недвижно замерев, сидит человек в длинной красноармейской шинели. Худое, осунувшееся лицо заросло светлой щетиной.

Доктор, задернув за собой занавеску, опустился на стул, налил себе в кружку кипяток. Посмотрел на человека в шинели. Тот не шевелился. Какая-то тяжкая дума, наверно, занимала сейчас все его сознание.

— Игнат! — позвал его Вайнтрауб. — Товарищ Плотников!

— А? — не сразу глянул на него Плотников. — Я здесь.

— Н-да, — вздохнул доктор. — Ты в Крыму был, Игнат?

— В каком Крыму? — не понял человек в шинели. — Нет.

— Зря. Царские места, говорят. Вот туда бы тебе на недельку-другую. Климат. Сразу бы оклемался. Ну ничего, — добавил он, — дадим тебе ремонт здоровья, будешь как новый. Ничего.

Плотников молча глядел в окно на костры, горящие во дворе под дождем. Отблески пламени трогали его лицо.

— Главное, что после туман памяти... Отсутствие, — вдруг сказал он с мучительным напряжением и показал пальцем себе на лоб.

Доктор положил руку ему на колено.

— Обожди думать, Игнат, — тихо сказал он. — Не надо, не спеши.

Вдоль серой с трещинами бесконечной стены тянулась молчаливая очередь.

Человек в шинели медленно шел мимо по размытой дождями улице, глядя себе под ноги.

— Гля, Плотников, он самый, ей-бо! — зашелестело по очереди. — Говорили, помер. Живучий, черт! Кровопивец!

Какие-то слова, видно, дошли до его слуха. Плотников остановился, посмотрел на людей тяжелым, хмурым взглядом. Очередь притихла.

Чье-то лицо привлекло его внимание. Человек в каракулевом картузе. Всматриваясь, словно припоминая что-то, Плотников взял его за плечо. Тот пугливо отвел глаза, уставившись в стену.

Очередь с интересом следила за ними.

— Ты чего! Чего тебе? — вскрикнул, не выдержав, человек в картузе, стравивая с себя чужую руку. — Чего прицепился?

— А? — вздрогнул Плотников. — Да, да...

И побрел дальше.

В пивной, в глубине дымного зала, возле двери черного входа, за столами шла сильная картежная игра. Там шумно пили, кричали, смеялись, били картами, звенели посудой.

Хлопала узкая дверь, какие-то типы в полутьме сновали туда-сюда.

На другом конце зала в более ярком освещении и публика была поприличнее. Оттуда доносился костяной стук бильярдных шаров.

Плотников сидел один в нише, за небольшим столом с грязной скатертью.

В папиросном тумане от стола к столу перемещалась, точно скользя по полу, сгорбленная большая фигура старика со скрипкой в руках. Воспаленные бессонницей глаза, всклокоченная седина, рваное пальто, прикрывающее жалкую манишку, ухарские звуки скрипки. Он казался странным фантомом, привидением, возникшим из дыма и пивных испарений.

Не раз уж он со смутной, лукавой улыбочкой поглядывал на Плотникова как на известного ему человека. Наконец приблизился и неожиданно резво подсел к столу. Достал из-за пазухи большую граненую рюмку.

— Рюмочка. Рюмочку, — проговорил он, странно разделяя слова. — Старый человек. Бедность.

Плотников усмехнулся, налил из графина. Старик торопливо выпил, нашел в кармане очищенную луковку, погрыз и уставился на Плотникова, опять улыбаясь хитро.

— Узнал. Сразу, — таинственно зашептал он, наклоняясь через стол. — Эх, Родя... Родион...

— Игнат, — Плотников с интересом посмотрел на старика. — Ты кто?

— Я-то? — чему-то обрадовался старик и подмигнул. — Никто. Так. Как сказано. Некто. С ретроградной физиономией! — Засмеялся, довольный своей шуткой. — Старушонка. Помнишь? Россия — старушонка! Мерзкая-ая! А ты ее топориком, тук... Тук!

Он погрозил Плотникову пальцем. Плотников смотрел на него уже без усмешки. А старик опять засмеялся, но вдруг стих и добавил плаксиво:

— Лизанька? За что? Душенька святая! Церковь Христова... Голубица... — Он всхлипнул, высморкался в ужасный платок. Молчал, тоску-

юще глядя куда-то в пространство. Но тут же, вдруг ухмыльнувшись, зашептал горячо: — Не вышло? Хрустальный дворец. На крови. Не вышло?

— Ничего, построим, — неожиданно ясно и спокойно сказал Плотников.

— Из чего? Из кого? Родя! Из этих?! — старик зашелся, закашлялся смехом, кивая головой в сторону сидящих.

— Вообще, — сказал Плотников, — из людей.

— Вот! — восторженно воскликнул старик. — Живые, Родя. Не знал? Живые! Эх! Сыграть? Родион?

— Игнат, — терпеливо сказал Плотников.

Старик, поднимая к плечу скрипку, показал глазами на графин. Плотников наполнил рюмку. Старик покрутил подбородком, вытер правую руку со смычком о полу рваного пальто и заиграл какую-то совсем уж неожиданную и чужую для этой клоаки музыку. То ли Бетховена, то ли Моцарта.

Плотников смотрел на него с внимательной печалью.

— Ухов! Потрох собачий! — раздался с соседнего стола пьяный крик под стук пивной кружки. — Ты чего пилишь?

— Настроение даешь, старик! — поддержали с другого стола.

Ухов тут же вскочил со стула, кланяясь на все стороны.

— Виноват, товарищи! — Быстро допил из рюмки, спрятал ее за пазуху и, наклонившись к Плотникову, торопливо зашептал: — В гости. К тебе. Вечером. Хочешь?

— Приходи, — серьезно сказал Плотников. — Что ж.

— Ты в бараках? При больнице? Так?

— Так, — удивился Плотников.

— Приду. Разговор.

Пиликнул смычком по струнам и, пританцовывая, пошел между столиками, с вывертом и подмигиванием наяривая «Бублички».

Дерево росло на пологом подъеме речного берега.

Плотников лежал под деревом, прижимаясь щекой к земле.

Перед его открытыми глазами лезли из-под сухих листьев горбатые корни, торчали прутья кустарника и стояла осенняя трава.

Она тихо двигалась и шелестела.

Плотников приподнял голову. Большая сибирская река со слабым шумом набегала на берег. Там, куда он смотрел, светил слабый свет, исходящий будто из-под земли, а выше угадывались два черных и глухих этажа.

Неяркий свет исходил из щели, ведущей в подвал дома.

Плотников встал и пошел туда. На свет.

Щель вела в сводчатое помещение, скудно освещенное четырьмя копеечными свечками. Несколько человек бродили по подвалу. Черная гнилая вода хлюпала под их ногами.

Все здесь было завалено книгами. Мерцало тусклое золото тиснений, лохматились дешевые обложки. Книг в разрушенном хранилище было множество. Люди молча рылись в них.

Плотников просунул в щель и спустился по ступеням в полутьму.

Старик в суконных наушниках покосился на него и заслонил собой груды книг.

Соседняя старушка в дореволюционной чиновничьей фуражке враждебно забормотала:

— Предупреждаю, это мой угол, мой!

Плотников шел в глубь подвала. Кто-то забрался туда, где книги поднялись по стене к потолку. Какая-то фигура. Со спины тоже вроде бы старуха.

Плотников взял наугад книгу, полистал, затем другую... Посмотрел, сунул под мышку.

Вдруг верхний пласт томов потревожено стронулся и пополз. Имена и названия, русские и латинские буквы, лица писателей и мудрецов, пейзажи и сцены — все это медленно двигалось вниз...

Та, что казалась старухой на вершине книжной горы, повернулась. Молодая женщина. Что-то странно знакомое почудилось Плотникову в ее лице и взгляде на него.

В ночной темноте отчетливо блестели в лунном свете большие черные лужи.

Плотников обогнул здание больницы и направился через двор к деревянной пристройке, бараку. Под мышкой у него были зажаты книги.

Взялся за ручку входной двери, но неожиданно замер, прислушиваясь.

В тишине поздней ночи были слышны осторожные крадущиеся шаги.

Плотников опустил правую руку в карман шинели, нащупал и вытянул за рукоятку наган, затем быстро оглянулся.

Женская фигура в глубине двора сразу прижалась к стене.

— Эй! — негромко окликнул Плотников. — Кто там? Кто?

Молчание. Плотников подошел. Снова та самая молодая женщина из книгохранилища.

— Что вы, женщина? — тихо спросил Плотников.

Но она не ответила. Он вздохнул, повернулся и вошел в дом.

В комнатухе, где он проживал, за столом сидел Ухов. На столе, накрытом газетой, перед ним был чайник, две оловянные кружки, хлеб, колбасные обрезки.

Вдоль стены стояла койка. Больше ничего не было.

Плотников остановился в дверях.

— Ухов, — приподнялся старик, глядя на него. — Вторгся. Но с приношением. Заработал. Колбаса, ситник. Навязчив, яко Мармеладов.

— Сиди, — устало кивнул Плотников. — Я понимаю. — Положил мокрые книги на подоконник и, в шинели, присел к столу.

— Событие, — сказал старик, подвигая ему хлеб. — Девушке Зое, поличному — Сушке. И мне, многогрешному. Домком. Выселение. Никому не нужен. Новая жизнь.

— Как ты, Ухов, говоришь чудно, — вздохнул Плотников. — Из дворян, что ли?

— Репортер, — грустно усмехнулся Ухов. — Апологет и подражатель Дорошевича Власа. Ныне — лишний.

Плотников молчал.

— Привык. Тело, запах. Мое! Жалко, — продолжал Ухов. — Умирать не хочется.

Голос его задрожал и пресекался.

— Смерти боишься? — спросил Плотников.

— Боюсь.

— Не бойся, старик. Это ничего.

— Знаешь? Откуда?

— А я для чего под землей был? — строго сказал Плотников.

Под внимательным взглядом Ухова он встал, снял шинель, повесил на гвоздь, расстегнул гимнастерку.

— Страшная зима грядет, — сказал Ухов. — Реки. Вода стальная. Гиперборейские холода.

Плотников стянул через голову гимнастерку.

— Болит, — пробормотал он, потрогав голову. — Ломит отчего-то. И вышел из комнаты.

В коридорчике возле умывальника босая женщина в пальто сердито стирала в тазу белье. Плотников, нагнувшись над раковиной умывальника с облупившейся эмалью, мыл лицо и шею под рубахой с отвернутым воротом.

Из соседней комнаты вышла девочка-медсестра, подошла к женщине, молча положила рядом с ней на табурет пеленки и так же молча вернулась к себе в комнату. Оттуда доносился громкий плач младенца.

Плотников прикрутил кран, подтер тряпкой воду на полу и, вытирая на ходу лицо краем рубахи, прошел к двери.

В своей комнатухе сел к столу, налил себе кипяток в кружку. Ухов, склонив голову на плечо, как птица, странно смотрел на него.

— Что? — недоуменно спросил Плотников, увидев этот взгляд.

Вдруг из-под газеты, покрывавшей стол, Ухов вытянул тетрадку, сшитую грубыми нитками. Открыл. Пожелтевшие страницы исписаны крупными буквами.

Плотников сразу привстал, выхватил тетрадь.

— Это нельзя! Это ни в коем разе! — волнуясь, крикнул он и спрятал тетрадь на груди под рубахой.

— Одним глазком, — хихикнул Ухов. — Сочинитель сочинял. А в углу сундук стоял. Станция Рытва! Одна тысяча двадцатый год, зима...

— Зима... Станция Рытва... Двадцатый год... — точно удивляясь, повторил Плотников и вдруг, что-то осознав, яростно притянул к себе старика за лацканы: — Знаешь? Что? Скажи!

— Поезд... Страшный бой... Большая кровь... Невинная... — придушенно выдавил, глядя ему в глаза, Ухов. — Краскомы Плотников, Спиридонов...

— Спиридонов? Да... Алешка... — Плотников держал старика перед собой. — Поезд? Да, поезд... Нет, врешь! Не помню!

Наконец он отпустил его. Ухов тяжело опустился на стул.

— Провал. Темнота памяти... Что же это? — смятенно спросил Плотников.

Ухов молчал.

— Ладно, — неожиданно успокоился Плотников. — Я не спешу. Я потихоньку...

Отошел к ночному окну, отвернулся, глядя в него.

— Тогда ты мне ответь как старик, — сказал он. — Человек, кроме другого, для чего живет? Для смысла или для существования?

— Вот! То-то! — внезапно оживился Ухов. — Постиг? Жизнь! Вечная провокация! Фальшивка! Дьяволов водевиль!

— Ты что, Ухов? — Плотников подошел к столу. — Нет, ты что?

— Проклят человек! Проклят! — таинственно шептал Ухов, высоко воздев палец. — Зло! Предан от века! И дела его прокляты! Смирись, гордый человек! Смирись!

Плотников смотрел на него пристально, долгим взглядом.

— Кто ты, Ухов? — произнес он. — Зачем?

— А ты зачем? — ответил Ухов.

Плотников снова стоял у окна.

За ним виден был пустырь, освещаемый сполохами большого костра. Вокруг костра сидели беспризорники.

Они кидали в огонь мебельную рухлядь, листы и фотографии, выдранные из книг и альбомов. Варили картошку.

Ухов, сгорбившись, шел через пустырь. Оглянулся.

В окне был Плотников.

Плотников достал из-под рубахи тетрадку. Сел к столу, сдвинул чайник и кружки, положил тетрадку. Раскрыл, разгладил страницы. Под газетой, покрывающей стол, нашел огрызок карандаша. Покрутил его во рту и снова задумчиво провел рукой по тетрадке.

Черное звездное небо торжественно стояло в раме окна.

Взгляд Плотникова устремился туда, в бездонную черноту. Она словно приблизилась к нему и медленно поплыла, мигая созвездиями.

И тогда возник голос, как бы шепот, бормотание:

— Для чего, брат, проживаешь ты на этом свете? А? Какая в тебе есть надобность для всеобщего смысла? Вон трава или всякий цвет — сгниет, да вновь восстанет радовать глаз или пчелу. А ты? Кто ж ты есть в кругообращении времен? Нужная деталька мировой справедливости? Или так — случайность, вопрос, сомнение?..

— Погадаю! — кричала цыганка, хватая Плотникова за полу шинели. — Глаза твои заграничные!

Плотников и Ухов быстро шли по шумному рынку среди наперебой предлагавших свой товар бородатых торговцев, теток и мальчишек-оборванцев.

— С луком, с перцем, с собачьим сердцем! — кричали вокруг.

— Водолаз морской грабитель. Купите, гражданин, для дитя!

— А вот замечательный подарок для спецов и кухарок!

Моросил мелкий дождь. Под ногами чавкала густая рыночная грязь.

— Бегаю. Репортер. Нюхаю. Ищу. Эврика! Филон знакомый. Иначе нищий. Галыгин Ванька. Пытаю. Где, где? Знает! — возбужденно говорил Ухов. — Молчит, палач! Подмазал! Ниточка!

— Кто? С кем? — Плотников остановился. — Говори, Ухов! Дальше не пойду.

— Сюрприз! Неожиданная встреча, — умоляюще тянул его за руку Ухов. — Объяснение и финал!

— Темный ты старик, — с досадой сказал Плотников, но двинулся дальше.

— Вергилий! Вергилий! — возбужденно хихикал Ухов и заглядывал ему в глаза. — Город Злые щели! Вперед! Без страха!

Они остановились перед ларьком с галантерейным товаром, на котором было написано: «Лю-Цин-Чун. Кита-ис». Внутри, рядом с маленьким сморщенным китайцем, возвышалась огромная русская баба с кирпичным лицом.

Ухов втиснулся в ларек, толкнул китайца в угол, наклонился с каким-то разговором. Огромная баба неодобрительно поглядывала в их сторону.

Плотников стоял снаружи и ждал.

Напротив, через ряд, перед старушкой в чиновничьей фуражке кучей были навалены на ветхой клеенке растрепанные книги.

— «Проститутка» Поля и Виктора Маргерит, — негромко говорила она. — Есть «Негритьянка в купальне».

Возле поднимался над жаровней черный дым. Бурлило какое-то варево.

— Щей жирных, гражданин! — заманчиво предлагал голос.

— Ухов! — нетерпеливо позвал Плотников.

Сопровождаемый китайцем, Ухов вышел из ларька.

Желтым пальцем китаец тыкал в сторону двухэтажного строения на краю рынка. «Отдых и встреча» — было написано на фронтоне. На вывеске рак в черном фраке поднимал огромной клешней бокал, истекающий пивной пеной.

— Антре! — Ухов сделал жест рукой и, увлекая за собой Плотникова, направился к зданию пивной.

В зале было необычайно дымно и шумно. Темного рыночного народу полно. Столики с бумажными цветами в голубых вазах заставлены бутылками, графинами, тарелками с закусками.

На эстраде между двумя фикусами в кадках играл граммофон. Вальс. Рядом на табурете сидел человек в грязной чалме. Перед ним на столике танцевали с прыжками две большие крысы.

Человек в чалме крошил кусок сахара, откусывал от него выступающими крупными желтыми зубами и давал крысам за танец. Вокруг шумно толпилась восхищенная публика, кидая на столик мятые деньги.

Молодой человек с пробором, в модном коротеньком пиджаке и сапогах, с интересом повернувшись в сторону крыс, держал тонкими пальцами, украшенными перстнем, рюмку водки.

Плотников, сидя напротив, смотрел на него настороженно, с напряжением памяти в глазах.

Ухов тянул из бокала пиво и заедал сморщенным моченым горохом с блюда.

— Там же произрастало рябиновое дерево, — медленно произнес Плотников и задумался. — Так?

— Ну, дальше? — повернулся молодой человек.

— Предпоследняя картина сознания такая... Тут состав поезда.. Тут, у рябины, офицерик... — Он замолчал, в упор глядя на молодого человека.

— Да ну? — усмехнулся молодой человек.

— Да, офицерик... — И, осененный догадкой, Плотников вскрикнул: — Так это ж... ты?! Он? А? Ухов? Живой! Почему?

— А что вы, собственно, прицепились, гражданин? — громко, оглядываясь, сказал молодой человек. — Какая Рытва? Какой поезд? Я совслуж. Состою в союзе. Все документы имею.

— Уговор! Уговор! Истина! — придвигаясь к нему, застонал Ухов. — Прореки!

Высокий толстый официант, седой и краснолицый, подталкивал к выходу гражданина рабочего вида, в пиджачке.

— Ты вежливо, и я вежливо, — говорил рабочий. — Что я выпимши? Пушай. Не скандалничаю, в Ригу не еду. Имею право.

— Иди, иди, — убеждал его официант. — Нечего. Видишь, публика отдыхает.

Молодой человек проводил их взглядом.

— Рябина, говоришь? — вдруг серьезно спросил он Плотникова. — Так то не рябина, дружок. То — крест.

— Как? — прошептал Плотников.

— А ты забудь, — легко усмехнулся молодой человек. Выпил рюмку водки и насмешливо посмотрел на Плотникова. — Между прочим, — сказал он, закусывая, — шинелка ваша боевая, товарищ краском, ходкая вещь по нынешним временам. Любой нэпач с места три червяка отвалит. Они в них по ночам ходить наладились, чтоб не грабили. Могу устроить.

Плотников, все время мучительно хмуривший лоб, вдруг ударил по столу рукой.

— А малец где? — освобождаясь от напряжения, спросил он. — У тебя ж малец на руках был!

Молодой человек молчал, глядя в стол.

— Мальчик где? Сашенька? Русая головка? — наконец недобро процедил он сквозь зубы и неожиданно приблизил к Плотникову лицо. — У Спиридонова спроси! А то как началось, мне, знаешь, не до мальчика стало. Я его с рук, да сам в снег. Как зверь.

— Какой зверь? — отодвинулся от него Плотников. — Ты что?

— А ничего, — злобно отрезал молодой человек, затем, ухмыльнувшись, добавил: — Не было этого ничего. Не было, забудь. Тебе же легче будет.

— Не было, говоришь? — со зловещим спокойствием спросил Плотников.

— Не было, — улыбаясь, ответил молодой человек.

— Ай, было! — приподнимаясь на стуле и опуская руку в карман, проговорил Плотников. — Все было! Ты-то почему без мальчика в снега уполз, гад?

— Граждане! Граждане! Что? Зачем? — заволновался Ухов.

Молодой человек быстро встал и, прихватив свою рюмку, подсел к соседнему столику, где шла картежная игра. Наклонясь, что-то тихо стал говорить играющим. Они обернулись, угрожающе разглядывая Плотникова.

— Ты зачем меня сюда привел, Ухов? — задохнулся Плотников, и лицо его стало искажаться. — Зачем?

— Я? При чем? Интерес! Рытва! — пугливо забормотал Ухов. — Истина!

Плотников резко встал. Рюмки и тарелки полетели на пол.

Молодой человек испуганно оглянулся.

Но Плотников уже быстро шел к выходу. Подойдя к эстраде, он вдруг остановился, дико глядя на пляшущих крыс.

— А, суки! Матери вашей гроб! Танцуете? — вскрикнул он, рванув из кармана наган.

Публика шарахнулась от него.

— Убивают! — истошно завизжал пьяный женский голос.

Плотников обвел взглядом пивную, затем, не целясь, выстрелил два раза в крыс и шагнул в темный провал двери.

В ранних сумерках чернела, сливаясь в одно движущееся, шевелящееся пятно, рыночная толпа.

Плотников с наганом в руке шел, словно во сне, рассекая расступающуюся перед ним человеческую массу, не видя испуганных взглядов, не слыша обращенных к нему выкриков.

Остановился только у мокрой дощатой стены. С удивлением увидел наган в своей руке, сунул его в карман. Вокруг него, возбужденно переговариваясь, собирались люди.

Плотников, прислонившись к доскам спиной, медленно сполз по стене на землю. Обессиленным взглядом смотрел на беззвучно толпящиеся

над ним лица. Вдруг они стали медленно удаляться от него, словно он падал в какую-то бесконечную пропасть в глубь и центр земли.

И возникло снежное поле. От леса до горизонта. Солнце садилось. Через поле, оставляя на белой нетронутой равнине черные следы, ползли, как жуки, сотни черных человеческих фигурок. Они тянулись от леса, от пожара и боя к закатному солнцу, к бедным человеческим строениям, к домам и дымам...

Плотников сидел за столом под свисающей с потолка голой лампочкой в простой комнате, где было жилье доктора Вайнтрауба с его молодой женой.

На стене вырезанный из иллюстрированного журнала портрет Льва Троцкого.

У окна — железная койка. Этажерка с книгами. В углу, в колыбельке из ящика, спеленатый младенец.

Сам доктор напротив за столом держал перед глазами газету.

— «Не успел еще радиотелеграф полностью передать всего плана инженера Кржижановского, а в нашем Головатовске, — читал доктор, — бывший краском Плотников, ныне начинающий пролетарский писатель, временно находящийся на излечении здоровья, активно заявляет в печати, что нужно поддержать великого техника...» Нет, ты скажи! А? Так ты у нас, выходит, писатель, Игнат?

Плотников промолчал, улыбнулся.

— «Золотой век, сделанный из электричества», — прочитал доктор. — Сильно сказано.

Девочка-медсестра поставила на стол бутылку и тарелку с горячей вареной картошкой. Доктор отложил газету и, подмигнув Плотникову, нацедил из бутылки в два маленьких граненых стаканчика.

— Между прочим, — щелкнул ногтем по стаканчику, — на жаргоне именуется «грыжа». — Засмеялся. — Опять же, медицина. Занеси в книжечку, писатель...

Они чокнулись, выпили. Обжигая руки, заели горячей картошкой.

— Я, знаешь, Соломон, и Рытву вспомнил, — сказал Плотников, — и Уфу, и Златоуст. Все. Главное, сразу как-то, вдруг. Проступило.

— И правильно, — согласился Вайнтрауб. — Я же обещал. Все по науке. Синдром пробуждения.

Он снова разлил самогон по стаканчикам.

— Что ж, как говорится, счастливого пути, Игнат. Привет Петрограду.

Пронзительно завопил младенец. Доктор встал из-за стола, вынул его из колыбели и поднял обеими руками вверх к тусклой лампе. Пеленки на младенце раскрутились, он не переставал вопить, водица текла из него по рукам доктора.

— Настоячивый... Эскулап будет, — улыбался он. — Ори, ори, солнышко! Папа с мамкой тебе еще сестренку сделают!

— С чего? С картох да с лука? — сердито сказала девочка-медсестра.

Она отняла у доктора ребенка и стала ходить с ним по комнате. Ребенок не унимался. Она села на койку и достала полную грудь.

Плотников молчал, серьезно и с интересом глядя на нее.

Плотников, оступаясь в ночной темноте, шел по берегу.

Река слабо шумела. Вот и одинокое дерево с вылезшими наружу корнями.

Невдалеке щель подвала светилась, как и прежде. Над ней чернел старый дом. Он словно рос из земли.

Два темных этажа, щербатые, осыпающиеся стены, трава из каждой трещины, развалившийся балкон, кривое дерево, торчащее из-под крыши...

Плотников спустился в подвал книгохранилища. Люди, едва различимые при свечах, как и прежде, рылись в книгах.

— Ухов, — негромко позвал Плотников, — Ухов.

Кто-то поднял голову и снова склонился.

Плотников медленно шел в глубь подвала, вглядываясь в лица. Ухова не было среди них.

Разрушенная лестница уходила словно прямо в черное небо со звездами, глядящее в провал крыши.

Лестница привела Плотникова из подвала наверх, через площадку — в небольшую залу с лепным потолком. Высокая желтая трава, проросшая сквозь сгнивший пол, тихо шелестела.

Мелькнул огонек, маленькое пламя свечи. Какое-то невнятное бормотание донеслось оттуда. Плотников подошел к приоткрытой двери, ведущей в соседнюю с залой комнату, и остановился.

В углу, лицом к стене, стоял на коленях и крестился человек.

На полу у другой стены лежала на тряпье та самая молодая женщина, только сейчас лицо у нее уже было неживое. Лежала на спине, со сложенными на груди руками.

Плотников подошел, вглядываясь. Трепетное пламя освещало ее щеку. Остановившиеся глаза смотрели вверх, прямо на Плотникова.

Из темноты вышла старуха с ведром воды. Присела возле женщины и начала расстегивать на ней рваный халат. Под ним было голое молодое тело.

— Со духи праведных скончавшихся... душу рабы Твоей, Спасе... — забормотала старуха и закрыла покойнице глаза, опустив веки.

Старик в углу неожиданно обернулся. Долгим, суровым взглядом смотрел он на Плотникова.

— Что? — прошептал Плотников. — Ну, я это... Я... Плотников... Что ж теперь...

— Ей, Господи, Царю! — проговорил старик, не отводя от него взгляд и чаще, горячее крестясь. — Даруй ми зрети мои прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков!

Свеча горела. Шелестела сухая желтая трава.

— Яко благословен! Благословен! — шептал старик, крестясь и точно уговаривая себя, и слезы текли у него из глаз. — Благословен!

Плотников сквозь дыру в стене вышел из комнаты, обессиленно сел на землю, прислонившись спиной к дому.

Напротив него, на холмике свежeverытой земли, свесив ноги в прямоугольное отверстие ямы, сидел светловолосый пацан. Он грыз сухарь и, подставив ладонь, слизывал с нее крошки.

Рядом лежала лопата, на лезвии ее была земля.

— Саша... Сашенька... — негромко позвал вдруг Плотников.

Пацан взглянул на него удивленно, не понимая.

— Какой я тебе Сашенька, фраер?

— В Петроград со мной хочешь? — спросил Плотников.

Пацан усмехнулся и, отвернувшись, стал молча смотреть на реку и далекие огни медленного буксира.

— Поедем, — повторил Плотников с тоской и протянул к нему руку.

Пацан вдруг вскочил, быстро обернулся и выпустил из рукава жало финки.

— Хряй отсюда, — с истерикой завопил он. — Запятнаю.

Плотников встал с земли и молча пошел от дома, теряясь в темноте.

В комнате Плотникова за столом сидел Ухов. Он чуть оглянулся на вошедшего хозяина, отодвинул тетрадь, раскрытую на середине, но не стал ее прятать, а провел по ней рукой. Осторожно и бережно, будто лаская.

— Вот, уезжаю, Ухов, — сказал Плотников. — Проститься ходил... Искал... А ты тут... Опять тетрадку взял? Я ж не велел.

Ухов с грустью смотрел на него старыми умными глазами.

— Грех перед тобой, — тихо сказал Ухов. — Грех. Не сказал.

— О чем? — не понял Плотников.

— Тетрадка, — постучал пальцем Ухов. — Цены нет. Дар Божий... Не знаешь, что тебе дано... Не знаешь... — Замолчал, задумался. — А что я? — прошептал тоскливо. — Что? Чехова знал. А сам? Все. Теперь поздно. Финита.

Оба молчали, думая каждый о своем. В тишине доносились негромкие звуки жизни, происходящей в глубинах дома.

— Я на развалинах был... Среди книг... — тихо произнес Плотников. — Дамочка, что из поезда... Померла она...

— Знаю.

— Старик там... — Плотников налил кипятка в кружку. — Молится. Благословен во веки веков... Чудно. Я все эти слова, что он говорит, как будто уже слышал когда-то, все будто наперед знаю... Откуда?

Ухов молча показал пальцем вверх, в закрытое потолком небо.

— Я вот что подумал, — тоже посмотрев вверх, понизил голос Плотников, — может, Он и есть... Бог... Почему нет?.. Только мы против Него...

— Кто мы? — почему-то с испугом спросил Ухов.

— Революционное человечество... — задумчиво объяснил Плотников.

Ухов и Плотников шли вдоль берега большой реки, приближаясь к пристани. Во тьме засветились огни, послышался шум лебедек, низкие гудки.

Плотников остановился, повернулся к Ухову.

— Прощай, старик, — сказал Плотников. — Теперь вряд ли когда увидимся.

— Вряд ли, — прошептал Ухов. — Прощай...

Буксир с огнями на носу медленно вел за собой по черной воде караван барж, груженных углем, щебенкой, дровами.

Плотников сидел на вершине горы из щебенки, смотрел на проплывающий берег. В свете костров там двигались с каким-то смыслом рабочие люди с тачками и лопатами.

Чуть пониже Плотникова сидел деревенского вида парень, наигрывая на гармошке легкую мелодию. На плече у него спала девушка. Темный речной ветер раздувал ее волосы.

Другие фигуры людей тоже виднелись на склоне горы в разных местах.

Плотников положил под голову мешок, лег, разрыхляя щебенку, и уставился в светящееся небо.

Далекие утренние звезды еще слабо мерцали. Плотников смотрел на них, ощущая, как медленно движутся они над его головой, постепенно бледнея, растворяясь, исчезая в рассвете.

И снова возник его голос:

— *Милые лица родины, прозябание родного края проходят сквозь наше сердце и ум, возбуждая боль и твердое понимание нужного направления вещей. Надежда мысли на кругообращение народной судьбы, стремящейся не к гибели, а к заре и восходу, дают сильный толчок воле, общей со всем всемирным человеческим заданием и желанием света и единения...*

По железным ступеням Плотников спустился на нижнюю палубу, приспособленную для пассажиров. Здесь грела печурка. Теснота, шевеление, говор.

Плотников нашел место у иллюминатора, устроился, положив мешок на колени.

Напротив сидел маленький курносый человек, вихрастый, в очках с очень толстыми стеклами. Он смотрел в иллюминатор на проплывающие берега, размышляя о чем-то. Вдруг повернулся.

— Идеи так же состоят из атомов, как и материя, вот в чем гениальная простота моего открытия, — неожиданно сказал он убежденно, так, будто давно вел с Плотниковым этот разговор. — И наши эмоции тоже. Скоро мы сможем получать вещественную субстанцию радости или вдохновения на фабриках, как башмаки. Вечный социальный вопрос, над которым бились друзья человечества, решен!

Он задохнулся восторгом, снял очки и стал протирать их пальцами.

— Что ж, — задумчиво произнес Плотников. — Это да. Понимаю. Но что есть, товарищ, душевный труд над осознанием мира? А?

Курносый посмотрел на него с удивлением, словно впервые увидел и, вновь отворачиваясь к иллюминатору, устало сказал, глядя на пейзаж:

— Азия... Азия... Всюду одна Азия... Утомляет...

— Не скажи, товарищ, — вежливо возразил Плотников. — Пространство России возбуждает мысли.

Теперь Курносый с некоторым интересом взглянул на него.

— Сами откуда, коллега? — спросил он. — Кто?

— Головатовск-город слышал? — охотно ответил Плотников. — Я там три года существовал... Без памяти. Питание и легкий труд... Теперь нормально, порядок...

Петроград, тысяча девятьсот двадцать третий год...

Поздняя осень... Дожди...

Плотников шел по городу. Тень его с мешком на спине казалась горбатой.

Мимо высоких домов, где были погашены окна, мимо темных высоких витрин, откуда ухмылялись поросычьи рожи и хищные стерляжки рыльца, мимо ресторанных вывесок, освещенных подводным светом стеклянных шаров.

Дул ветер. Злой, волчьей рябью была покрыта против шерсти поглаженная Нева. За спиной Плотникова уходили назад и растворялись в небе силуэты зданий, шпили и купола.

Навстречу ему по деревянному настилу моста прошагал, попыхивая папиросками, краснофлотский патруль.

Слабо светились впереди решетчатые окна церкви. Оттуда суровые мужчины военного вида, но в пальто и кепках, выносили иконы и разную церковную утварь и складывали все это на подводы.

Бородатые мужики-возчики в балахонах, с кнутами курили и смотрели спокойно.

Плотников шел по городу, переходя из ночи в рассвет, в утро и день.

Горел на улице костер, возле жаркого пламени грелись беспризорники.

Свистя в глиняную свистульку, плыл по каналу торговец гончарным товаром. Лодка его была уставлена горшками, мисками, игрушками.

На углу набережной толпились лоточницы с яблоками, мальчишки-папиросники. Старуха в белом платье с драными кружевами и в митенках играла на скрипке.

Мальчишка-продавец с лотком на груди быстро, прыгая на костылях, прискакал к Плотникову.

— Пирожки! Пирожки — ешь, не давай! — кричал он. — Шоколад Краф-та! Лучший! Для барышень — гривенник!

Плотников купил у него пирожок, отошел в сторону, присел на каменную тумбу. Жевал, с интересом глядя на площадь, полную живой дневной жизни.

На фронтоне здания виднелся большой транспарант: «Привет участникам Первого Всероссийского съезда воинствующих безбожников!» Рядом, на деревянном помосте, озабоченно двигались юные участники предстоящего агитпредставления.

Вокруг помоста уже толпился в ожидании народ, с интересом разглядывая «чертей» с веревочными хвостами и «святых» в разрисованных простынях.

Развлекая и веселя публику, наигрывал на гармони и напевал антирелигиозные частушки молодой чубатый парень в одеянии священнослужителя. Он сидел на краю помоста, свесив ноги, обутое в износившиеся красноармейские ботинки, перевязанные проволокой.

Задрезбезжал, огибая площадь, трамвай, закрывая гармониста, толпу возле помоста и Плотникова с пирожком.

Высокая дубовая дверь выходила на лестничную площадку с каменными стенами. Плотников надавил на медную кнопку звонка.

— Тебе кого, солдатик?

В дверях стояла очень молодая скуластая девушка, коротко стриженная, в блузке, переднике и босая.

— Спиридонов Алексей здесь проживает? — удивленно спросил Плотников.

— Тебе на что? — ответила девушка, сердито разглядывая неожиданного человека.

— Повидаться, — растерянно ответил Плотников.

— Хозяйку позову, — строго сказала девушка. — Нина Кирилловна, — крикнула она в полутьму прихожей, — здесь спрашивают!

В электрическом полумраке появилась маленькая рыженькая женщина с огромным, выпирающим животом и измученными глазами на голубоватом личике.

— Опять вы босиком, Маша, — тихо и страдальчески проговорила она. — У нас все-таки не деревня. О Господи. — И к Плотникову, настоженно вглядываясь: — Вы кто будете, гражданин?

— Плотников Игнат, — сообщил он спокойно.

— Вам назначено или как? — недоверчиво спросила женщина.

— Я, дамочка, Плотников. Не слышали? Повторяю: Спиридонов Алексей здесь проживает?

— Я за него!

Могучий мужчина с красивым крестьянским лицом и белокурой прической на пробор вышел в прихожую. На нем были добротный пиджак и галстук. Лицо оживленное, веселое, похоже, только что из-за стола. Тем более что в одной руке рюмка, в другой папироса.

Он шурился и, вежливо, вопросительно улыбаясь, всматривался в человека в длинной шинели, с мешком.

— Здравствуй, Спирия, — улыбаясь, сказал Плотников. — Это я.

Слоистый папиросный дым висел в большой комнате, обставленной старинной, темного дерева мебелью. За прозрачными занавесками синел в узких окнах вечер.

У круглого стола с графинами и закусками, под абажуром, вокруг Плотникова в выцветшей гимнастерке сидели большие, несколько уже огрузневшие мужчины. Френч, пиджак, китель.

Рядом с Плотниковым, обнимая его за плечи, Спиридонов Алексей.

— Город Головатовск называется, — рассказывал Плотников, — а я не то чтобы псих... Нет. Помраченный... Мне доктор, товарищ Вайнтрауб говорит: «Обожди думать, Игнат, не спеши». Вдруг — в газете: Алексей Спиридонов. И сразу у меня в башке будто что-то повернулось...

Мужчины улыбнулись, покачали головами.

— Что ж, — Спиридонов разлил водку, — все же как вроде братья были.

— Между прочим, видный хозяйственник из Алешки вырабатывается, — кивнув на Спиридонова, вполголоса сказал Плотникову человек во френче. У него было широкое кавказское лицо, усы и седоватые виски.

— Смотрю я на тебя, командир, и глазам не верю. Ты ж тогда мертвец был? — глядел на Плотникова с удивленной, ласковой улыбкой Спиридонов.

— Был, — согласился Плотников. — Теперь живой, ничего. Единственно, что голова контуженная. Не сплю.

— Да ну? — огорчился Спиридонов.

— Так. Не имею сна, и всё.

— Э, товарищ Плотников, — сказал кавказец, — нехорошо. Ты у Швайко из Наркомздрава был? У Сухаревича? Ты что! Кадры должны быть здоровыми! Я поговорю. На ноги поставят в два счета.

Из-за стеклянной двери, выходящей в прихожую, донесся низкий мужской голос. В комнату вошел человек в толстовке. Лицо его от глаза до подбородка было рассечено широким рваным шрамом.

— А, накурили, надымили, — весело сказал он, подходя к столу.

— Знакомься, Артем! — Спиридонов положил руку на плечо Плотникова. — Легендарный краском Плотников Игнат! Я ж при нем начинал. Погиб под знаменитой станцией Рытва! Но нет, вот он есть, целый и невредимый!

Человек во френче показал вошедшему на стул возле себя.

— Садись, Артем. — И поднял бокал с вином. — Как говорится, за благополучное воскрешение из мертвых!

Все потянулись к Плотникову чокаться.

— Ну и как, Плотников? — вдруг с вызовом спросил человек со шрамом. — Нравится тебе на этом свете? Среди живых?

— Не знаю, — серьезно ответил Плотников. — Не знаю пока.

— А ты выдь на проспект 25-го Октября, тебе понравится!

Кавказец поморщился. Гость в кителе положил на стол широкую ладонь.

— Нервы, Артем. Подвинти-ка нервы! Идет великий процесс! Кто этого не понимает, тот не боец на мировой арене.

— Нет, ты все-таки выдь на проспект, Игнат! Ух, как понравится! — не успокаивался Артем. — Проститутки шикарные, господа в котелках, рулетка. Тебе понравится! Выдь на Лиговку! Шпана в английских шинелях. Марухи, кокаин!

— Ты думаешь, нам легко? — негромко сказал кавказец, обращаясь к человеку со шрамом. — Ты знаешь, где я сегодня был, что я делал? Да? Тогда молчи. Хватит об этом.

Спиридонов, прерывая молчание, сказал весело и громко:

— У буржуазного писателя Шоу недавно спросили, выживет ли Советская республика. Он ответил: «А почему же нет?» Действительно, — засмеялся он, — почему нет?

За столом стало тихо. Военный в кителе, сидевший молча, вдруг встал и, дирижируя сжатым кулаком, громко запел:

*Товарищи, вперед! Сомкнись, назад ни шагу!
Проносится сигнал в построенных рядах,
И каждый клятву дал: «Скорей костями лягу,
Чем дать себя на поруганье палачам!»*

Кавказец с повлажневшими глазами, Артем и Спиридонов стали слаженно, понизив голоса, подпевать:

*И вот полки врагов. Еще одна минута —
И властно разрешит суровая судьба:
Иль разорвутся навсегда насилья пути,
Иль снова тяжкая геройская борьба!*

Плотников в прихожей осторожно прикрыл за собой стеклянную дверь. Из-за нее были слышны поющие голоса. Он вдруг пошатнулся, взялся рукой за стену.

Постоял так, открыл дверь в ванную комнату, отделанную белым кафелем. Увидел себя в большом ясном зеркале над фарфоровой глубокой раковиной. Повернул винт бронзового крана. Опустил голову под струю воды.

Сквозь приоткрытую дверь кухни было видно, как Маша с остервенением гремит у плиты кастрюлями.

— Ничего, погоди, мы свое возьмем! — приговаривала она и вдруг, выглянув из кухни в прихожую, громко сказала:

— А что босая хожу, так это еще посмотрим! Не век мне за вашей кошечкой саки подтирать!

И шумно закрыла кухонную дверь.

В большой комнате, казалось, еще больше сгустился дым. Хмельные приятели тесно сидели за столом, сближаясь головами, и пили.

— А помнишь Кочуевку? Зинку мою помнишь? — говорил Спиридонов, обращаясь ко всем сразу. — Вот была товарищ, огонь! Заходим, полковник сидит. Она: «Встать!» Сидит, гад. Она: «Встать, раз так твою мать!» И наган в рожу. «Не имею, — говорит, — мамзель, возможности, связи, что обе ножки враз порублены вашей доблестью». Ну, смеху!

— Да, — вздохнул человек в кителе. — Действительно, веселое было времечко...

— А где ж Игнат мой? Командир где? — обернулся Спиридонов к двери.

Плотников в ванной выпрямился, облегченно вздохнул. Большие капли воды текли по его лицу, падали на гимнастерку.

Спиридонов появился на пороге, с испугом глядя на его мокрое лицо.

— Худо тебе, что ли? — тихо спросил он. — А, Игнат?

— Так, голова ноет чего-то. Пройдет. Не беспокойся, Спирия.

— Ослабел, командир. Ну-ка, пойдем, отдохни малость.

Обнял его за талию и повел через прихожую по коридору.

— Что ж орден не носишь? — ткнул пальцем в грудь гимнастерки.

— Зачем это? — удивился Плотников. — Не надо.

— Зря, — сказал Спиридонов, — я бы повесил...

Небольшой кабинет с окном-эркером, с письменным столом. У стен кожаные диваны, кресла. Высокая бронзовая фигура ангела с трубой в углу.

— Ничего квартирка, а? — засмеялся Спиридонов, включая верхний свет. — Тут раньше адвокатишка один проживал. Такой, знаешь, гордый, еще с прежнего времени... Все, не проживает больше... А что? Имеем право!

Плотников с интересом разглядывал на стене картину в раме. Прямо на него дерзко и властно смотрел выпуклым взором Спиридонов. Бур-

ка, папаха с лентой. Левая рука на эфесе шашки. Сзади клубились дымы и густела боевая даль.

— Да не гляди! Ерунда! — смутился Спиридонов. — Мазилка какой-то месяц мне проходу не давал.

— А чего? Похожий... Да... Похожий, — задумчиво повторил Плотников. И вдруг, словно возвращаясь из забытья, в которое погрузился внезапно при взгляде на портрет, произнес: — Знаешь, Спирия, я когда очнулся, то от холода на снегу в окрестности поезда. И кто-то меня за лицо трогает. И как будто матери моей рука, которая померла в моем детском возрасте... А она мне: «Дяденька, дяденька, я девочка Вера, двенадцати лет, вставай, тебя убили...»

— Кто? — растерянно спросил Спиридонов. — Ты об чем, Игнат?

— Я об Рытве, Спирия. Все об ней. — Он помолчал. Затем испытующе посмотрел на Спиридонова. — Алеша, — тихо сказал. — Скажи. Кто все-таки команду подал? Ты или я?

— И чего ты к этой Рытве прилип? Хрен с ней! Не помню! — отмахнулся Спиридонов.

— И мальчика не помнишь? — глухо спросил Плотников.

— Какого мальчика? — насторожился Спиридонов.

— Светленький такой малец, Спирия... На руках... Не помнишь?

Плотников с ожиданием ответа всматривался в глаза Спиридонова.

— Я команду подал, — сказал Спиридонов и помрачнел. — Тебя враз сожгло... От артиллерии... Все думали — амба...

— И что ж... всех, какие там пленные были?.. Всех?

— Всех... А как же еще? Может, кто и спасся... Не знаю...

— Зачем, Спирия? — строго спросил Плотников.

— Так выхода не было, командир, пойми. Тут Роденберг прет, с артиллерией... Тут ты — мертвый... Куда ж мне они? Не было выхода, Игнат, веришь? Веришь мне, командир?

— Злодейство это, Спирия, — почти прошептал Плотников.

— Эва, как ты заговорил... — тоже шепотом, даже оглянувшись, произнес Спиридонов. — Игнат! Ты что? Может, опять в Боженьку поверил? — засмеялся. — Видать, против происхождения не попрешь.

— Какого такого происхождения? — удивился Плотников.

— Известно, какого. Поповского. Кто ж в Сибири Плотниковых не знает.

— О чем ты, Спирия? Не понимаю... Не помню...

— Ты и впрямь блажной!? Нет, ты что? Мальца офицерского пожалел, значит, всякую шваль белую? — И вдруг злобно сузил глаза: — Да

кто ты такой теперь есть, чтоб с меня спрашивать?! Кто ты и кто я? Я, брат, высоко — не достанешь!

Плотников резко встал.

— Ты что мне сейчас сказал, краском Спиридонов? Кому? Ты еще повтори... Может, я не то услышал? Ах, ты!

И, не оглядываясь, — в коридор, в прихожую, шинель с рогатой вешалки на руку, мешок на плечо. И на лестницу.

— Игнат! Командир! Ты что? Ну, сгоряча! Сорвалось с языка, делово... Игнат! — шел за ним Спиридонов, тоже по коридору и вслед — на лестничную площадку.

Но Плотников уже сбежал по широкой мраморной лестнице и исчез в полутьме подъезда. Хлопнула внизу входная дверь, и все затихло. Спиридонов постоял, закурил папиросу, выругался и вернулся в квартиру.

Набегая на берег, тихо шумела речная вода. Вокруг одинокого фонаря перед ночлежкой шевелились голые черные ветви деревьев.

Лодки покачивались в воде у берега. Одна была вытащена на песок. Плотников сидел в ней, сгорбившись в шинели и подняв воротник. Глаза его бессонно смотрели на реку и небо.

И снова возникло перед ним снежное поле, исполосованное подмерзшими черными человеческими следами. Ветер летит, сдувает сухой снег, гонит его к горизонту, к закатному солнцу...

— Эй, кавалер, затынуться имеешь? — спросил из темноты хрипый, но молодой женский голос.

— Не курю, гражданка, — ответил Плотников в темноту и поднял глаза.

Перед ним, пошатываясь, стояла молодая скуластая женщина, с синяком под глазом, в пальто, в мужских парусиновых туфлях, с бутылкой в руке.

Вдруг распахнула пальто, под ним было голое тело.

— Раздели суки. Взяли шмару на коммунку. Понял, Красная Армия? Двое держат, третий дело делает, четвертый стережет да еще на гитаре подыгрывает... «Ты, моряк, красивый сам собою, тебе от роду двадцать лет...» — пропела она и резко засмеялась, вздохнула: — Такое платьице было хорошенькое. С бантиком. На барахолку стащат, суки, на Сенную... А поделом, поделом!

С неожиданным надрывом два раза ударила себя кулаком в голую грудь.

— Не мучь себя. Закройся, — сказал Плотников. — Замерзнешь.

— А я горячая, огонь. — Села рядом с ним, положила его руку себе на голую ногу. — Хочешь попробовать? За так. За фунт дыма... За глаза твои, Красная Армия... Глаза у тебя... какие-то...

Он молчал, не двигаясь.

— Брезгуешь?

Плотников молчал.

— Брезгуешь меня, вижу, брезгуешь, — с надрывом сказала женщина и всхлипнула. — Эх, ты, солдатик — Красная Армия.

Она вдруг под села к нему на бревно и, притягивая за полу шинели, заговорила:

— А ты не брезгуй! Ты жизнь мою спроси! А ты спроси! Я тебе скажу мою жизнь, — всхлипывала она.

— Что ж, я понимаю, — растерянно сказал Плотников.

— Много ты понимаешь... — вздохнула она и высморкалась в сторону.

— Я, знаешь, какая была? — она гордо тряхнула головой. — А красно-зеленый отряд товарища Шмаки знаешь? Слыхал?.. Я первая, после него, в отряде была. А что касается рубки, любому фору могла дать! Вот! — она показала широкий, по-мужски крепко сжатый кулак с татуировкой «смерть буржую». — Этой самой рукой!.. Эх, красиво гуляли, беспамятно... — вздохнула она, загрустила. Затем снова начала всхлипать:

— Я в малолетстве тихая была, богомольная, мамку-покойницу обожала! Страница она была. Все по святым местам ходила. Ну и я с ней... За всех молилась она. Святая душа. Померла когда, я уже девкой была, годков шестнадцать. В прислуги нанялась. А что, я одна... Никого нет... Чем не прислуга... Десять лет отбатрачила, может больше... А тут, значит, вдруг папаня с германской объявился, дезертиром. Лет двадцать пропал где-то, а тут объявился... Наладился с матросами буржуев грабить. Время такое... Народ шумит, кровь чует... Раз ночью приходит, на ногах не стоит, пьяный, и ко мне, охальничать, кобель паршивый... Я как закричу, вы что, папаня, побойтесь Бога! А он говорит — нету Бога вашего, нету! Кончено, говорит. Теперь все можно! И силком меня, спортил... Вырвалась я, не помню как, и в окно. На мостовую упала, бьюсь в беспамятстве, руки порезаны, кровь... Бога нет, кричу! Люди! Бога нет!.. Подобрали меня старухи, еле выходили. Эх, что вспоминать... А ему отыгралось... Пришли они к адвокату. Тот вежливо, так и так, товарищи, реквизируйте, на здоровье... А сам тихонько к столу, револьвер взял... И первую пулю — ему, насмерть. Так-то... И хорошо, а то б я сама его кончила. Злющая была тогда, ох! Обида играла! Как попала в отряд, спасу от меня не было. Зинкой-беспощадной прозвали. Всех кончала, пленных не брала. Особенно если барышни благородные, в маркизетах... На станциях много таких было... как счас помню, дрожат, плачут, в ногах валяются, упрашивают...

А я им: узнаешь Зинку-прислугу? Запомнявала? И ножником их! И ножником... Ох, — тяжело вздохнула она, — много народу ликвидировала. Ой, много... Что теперь? Что?..

Женщина неожиданно задрожала, оскалилась и стала яростно, со всей силы бить себя кулаком в грудь.

— Что? Что? Что? — выкрикивала она.

— Гражданка! Дамочка! — испугался Плотников, — Что же вы?

Он сильно схватил ее за руку. Она дернулась, вырываясь, упала в грязь и заскулила протяжно:

— Утоплюсь! — всхлипывала она. — Видит Бог! Утоплюсь! Тошно жить, ох тошно, силов нет!

Она вдруг затихла, поднялась, села на бревно и наклонилась, заглядывая Плотникову в глаза. Слезы текли по ее грязным щекам.

— Страшно только, — зашептала она, — под землю положат, темно, черви кусают. В воде легче... Солнышко со дна видно... Песочек... Так я утоплюсь, пойдем, а?

Она решительно встала и сильно потянула Плотникова за рукав.

— Куда? Зачем? — тоже шепотом спросил он, вставая почему-то.

— Пойдем, — жарко шептала она, уговаривая, — ты пожалей меня, пожалей. Человеку жалость нужна... Миленький, солдатик! Хошь, в ноги упаду, молить буду. Пойдем!

— Страшно одной, боюсь... Ты постой рядышком... Что тебе? Ну, пожалей меня, пожалей...

— Пойдем, — спокойно сказал Плотников, — я постою, не бойся. Я это понимаю...

— Правда? — расширив глаза, не веря еще, прошептала она и вдруг схватила его руку и стала жадно целовать ее. Затем быстро пошла вперед, в темноту, увлекая Плотникова за собой, цепко держа его за руку. Он чувствовал холодную дрожь ее тела.

Они спустились на берег. Черная осенняя вода грозно шумела во тьме.

Женщина отпустила его руку и, не оглядываясь, не прощаясь, вошла в воду, тут же провалилась по грудь, вскрикнув от неожиданности, однако поднялась, выпрямилась и, перекрестившись, медленно двинулась дальше...

— Помилуй мя, помилуй мя, — доносилось из темноты, — помилуй мя, помилуй...

И пропала.

Серенькое брезжило утро в пригородной местности, над рекой. Ветерок тихо гнал рябую воду.

На том берегу тянулся забор, за ним — заводской корпус и труба. А на этом: облетевшие деревья вокруг фонаря на столбе, будка лодочной станции.

Женщина спускается от домов со стиркой.

Физкультурники, голые по пояс, в длинных трусах, цепочкой бегут по берегу.

В лодке, одиноко стоящей на песке, сидел Плотников, засунув руки в карманы шинели, вжав голову в плечи. Глаза открыты.

На воде, ближе к станции, происходила какая-то суета. Несколько мужиков под командой белобрысого милиционера в белой гимнастерке, стоя на двух плоскодонках, шарили по дну баграми.

— Есть! — наконец крикнул один весело. — Пымалась рыбка! Не ушла в океан-море!

Второй милиционер тут же стал теснить любопытных.

Юный блондин в кожаной куртке и сапогах решительно отбросил папиросу и по воде пошел навстречу пристающей к берегу лодке.

На ее носу, лицом вверх, лежало женское тело.

Плотников встал со своим мешком и пошел к толпящимся на берегу фигурам.

Тело уже лежало на конной линейке. Пожилой милиционер свел полы мокрого, с кусками тины пальто на голом теле утопленницы, затем накрыл ее куском рогожи. Из-под нее видны были ноги, одна в парусиновой туфле, другая босая, маленькая и очень белая.

— Нет у них сознания, нету, — вздохнул милиционер.

Плотников приблизился к линейке, откинул рогожу и замер, вглядываясь в лицо. Оно было молодое, бледное до голубизны и чистое от воды. На лбу, как приклеенная, лежала прядь каштановых волос. Плотников нагнулся, поцеловал мокрую прядь, выпрямился и снова замер.

Второй милиционер толкнул в бок блондина и глазами указал на Плотникова.

— Наводит на размышление, — согласился агент, быстро подошел к линейке и сразу спросил Плотникова: — Данное лицо вам, например, ничего не говорит, гражданин?

Плотников молчал. Агент вдруг ловко ощупал его всего руками, вынул из кармана наган и, подкидывая на ладони, спросил вежливо:

— Между прочим, это для чего?

Тетка на берегу на корточках полоскала застывшими руками белье, а сама смотрела назад.

Лошадь, управляемая пожилым милиционером, тянула вдоль воды линейку с телом. Голая ступня белела.

Сзади шли агент и Плотников.

В окне был виден внутренний двор-колодец «уголовки» с зарешеченными окнами и красноармейцем с винтовкой возле будки у высоких железных ворот. Юный агент, блондин в куртке, в упор глядел на сидящего напротив через стол Плотникова и загибал на правой руке пальцы.

— Улики против тебя, раз — это наган. Второе, что спал на месте преступления.

— А я не спал, — сказал Плотников. — Я, товарищ, теперь никогда не сплю.

— Как это? — почему-то понизив голос, удивился агент.

— Так. Я памяти не имел. От контузии. Можешь ты это понять? Я из мертвецов пришел! — вдруг выкрикнул Плотников. — Из-под земли, понял?

— Ты мне брось горбатого лепить! — ударил агент ладонью по столу. — Ты мне цель прихода в Питер давай и связи!

— Эх, товарищ, — тихо и укоризненно сказал Плотников. — Я же теперь всю Россию прошел, чтобы общую жизнь почувствовать.

Они сидели друг против друга на фоне окна, по обе стороны канцелярского стола с изрисованной чернилами доской. В большой комнате за такими же столами шли еще два допроса.

— Ты не дави на меня, охранка! — завопил, вскакивая, задержанный с толстым и наглым лицом. — Я сын панели, я в фортку кинусь, тебе за меня левак будет!

— Сядь, вошь обводная, — мрачно приказал широкоплечий сотрудник. — Зекай мне в глаза, понял? В глаза! Прямо и честно.

Привлекая внимание Плотникова, агент постучал ногтем по столу.

— Повторяю, — терпеливо сказал Плотников, — я в городе Петрограде с ночи...

— С какой целью? — холодно прервал его агент.

— Да я ж тебе свой, товарищ! — вдруг удивленно сказал Плотников. — Можешь ты это понять?

— Ты здесь пока не свой, ты здесь задержанный!

— Как?

— Сядь да покак. Ты почему в уголку попал? Просто так? Просто так в условиях нашего времени даже кошки не родятся.

Коренастый, с бритым черепом человек в белой гимнастерке и ремнях, с портфелем вошел в комнату и молча сел рядом с агентом.

— Я тебя насквозь под шинелью вижу, — покосившись на начальника, прикрикнул тот, — и еще вниз на метр!

— Стой, Щеглов, — перебил его начальник, достал из портфеля наган, пачку документов, орден Красного Знамени, положил на стол, придвинул к Плотникову. — Все в порядке, товарищ Плотников. Вы свободны.

И протянул ему руку. Юный агент Щеглов в недоумении глядел на лежащий на столе орден.

Начальник встал и, выглянув в окно, сказал громко и насмешливо:

— Пинкертонничаете, орлы? Красных героев за бандитов хватаете? А между прочим, вторая бригада Шуру Мещанинову взяла и всех ее черных воронов. Вот ведут.

И сразу же все, кто был в комнате, сотрудники и задержанные, кроме одного Плотникова, бросились к окну.

По двору милиционеры в форме и в штатском, с винтовками и револьверами, окружив, вели из открытых ворот несколько хорошо одетых людей.

Впереди шла молодая красивая женщина в черной шапочке из перьев, в пальто с мехом, длинной юбке и шнурованных ботинках на высоком каблуке. Она курила папиросу в длинном мундштуке и презрительно улыбалась.

— Хуже клопов давить их будем, хуже! — скрипнул большим пальцем по стеклу начальник. — Чтобы в светлое будущее наше не донеслась ихняя окаянная вонь! — И повернулся к Плотникову: — Определись, товарищ Плотников, — негромко, но строго сказал он. Нельзя так. Трудоустройся. Жилье нужно? Дадим. Как имеющему орден.

Из неисправного крана падала струйка воды и билась о ржавое дно умывальника.

Толстоногая тетка в засаленном халате сердито вешала белье на веревке, протянутой через всю коммунальную кухню. Безбровая старуха с костлявой спиной мрачно возилась у примуса.

Плотников стоял у плиты над тихо гудящим чайником и терпеливо ждал.

Из кухни виден был огромный, темный, заставленный рухлядью коридор. В глубине его у стены, мешая проходу, стояла большая белая ванна.

— На шестой роте его нашли, в необитаемом доме, — говорила женщина в халате. — Левая рука отрубленная, френч, документы — все при нем, а ноги босые...

— Из удовольствия стали убивать, Господи, из удовольствия! — под-
дакивала старуха у примуса.

На кухне возник щуплый паренек в тельняшке, поставил на пли-
ту возле чайника свою кастрюлю. Достал из кармана проволоку и со-
средоточенно начал прикручивать крышку, любопытно поглядывая на
Плотникова.

— Это вы, что ль, новый жилец? — не выдержал он и взволнованно
понирил голос: — С орденом?

Плотников молча кивнул. Лицо паренька просияло восторгом.

— Ну, товарищ! — только и мог сказать он, пожимая ему руку. —
Ну, товарищ!

— Да ладно, — пробормотал Плотников. — Чего там.

— Нет, товарищ! Нет! — Паренек влюбленно смотрел ему в глаза и
улыбался. — А как думаешь, когда все-таки деньги отомрут?

— Не скажу, — удивленно ответил Плотников, взявшись за чай-
ник. — Не знаю.

— А я считаю, скоро! Вопрос года!

— Опять всю ночь дверь незапертая стояла, — громко сказала жен-
щина в халате и злобно взглянула на Плотникова. — Что ж за мода та-
кая? Найдите да заявите, куда следует, чтоб другой раз знал.

— Это ничего, это мимо, — дернул в ее сторону головой паренек. —
Так, путаница быта. А мы его по зубам! И в наступление! Так, товарищ?

Сумрак осеннего дня за окном постепенно становился вечером. Ве-
тер хлестал по стеклу изморосью, раскачивал одинокий фонарь на краю
пустыря, на который выходил дом.

На широком подоконнике, заменяющем стол, чернели чайник, круж-
ка, кусок черствого хлеба на газете. Потрепанные тетради, сложенные в
стопку.

На полу брошен матрас, у окна — табурет, на гвозде, вбитом в сте-
ну, — шинель.

С потолка свисает на длинном шнуре голая лампа.

Плотников с кружкой в руке задумчиво стоял посреди комнаты под
лампой.

И возник его негромкий голос, бормотание:

— *Где же, ответь, край бесконечности, край терпения и боли? Кто же ты есть, брат, на этой земле, одинокой в мировом черном хо-
лоде? Кто же ты есть сам? Ответ: сирота земного шара... Звезда,
вещь, дитя, земля — это все как бы один человек. И участь его одна —
сиротство. Что должно нас всех мирить, а не ссорить...*

Обои на стене в комнате отстали и висели ключьями. Под ними был
слой старых газет, и в газете, вверх ногами, рисунок, изображавший рус-
ских солдат и бегущих от них японцев.

Плотников посмотрел на рисунок, вернулся к окну, поставил круж-
ку. Пошел, надел шинель с гвоздя, вышел в коридор.

Ударился в темноте о ванну. Остановился. Вернулся. Подошел к
двери, соседней с его комнатой, постучал.

— Сейчас. Одну минуту, — отозвался испуганный женский голос.

Плотников ждал, глядя в полутьму коридора.

— Входите, что же вы? — донеслось из-за двери. — Кто там?

Плотников толкнул дверь.

Молодая женщина в халатике, у стола под абажуром, тревожно смот-
рела на него своими большими блестящими глазами.

У стены стояла аккуратно застеленная узкая кровать, рядом этажер-
ка с книгами, зеркало, ширма, вышитая китайским шелком.

— Ольга Васильевна, — сказал Плотников. — Я вас что спросить
хотел, как проживающую здесь. Кто мою комнату до меня занимал?

— Старушка одна, она куколок на рынок делала... Потом такой Гар-
маш Федя. Партиец. Его на строительство куда-то направили. А что?

Плотников стоял у дверного косяка и молчал. Рядом с ним на стене
висели фотографии мужчин и женщин с простыми пролетарскими лица-
ми. Среди них портреты Ленина и курчавого мальчика Пушкина.

— Я слыхала, к празднику в лавочке селедки будут давать и соль, —
сказала Ольга. — Взять вам?

— Нет, спасибо, — он отвел глаза от фотографий. — Не нужно.

— Вы ж не питаетесь фактически! — сказала она.

Плотников, не отвечая, внимательно смотрел на нее.

— Вы все по ночам ходите, я в окно вижу, — тихо сказала Ольга,
поправляя на себе халатик. — Зачем?

— Так. Я теперь спать не умею.

— Вы что же, одинокий совсем? — осторожно спросила Ольга.

— Я привык. Ничего.

— Сейчас много одиноких, особенно женщин, — вздохнула Ольга и
добавила застенчиво: — Женщины очень любить хотят. А это трудно.

— А я бы хотел стать женщиной, — сказал Плотников. — На корот-
кое время.

— Что вы! — испугалась она. — Зачем?

— Я женщину мало понимаю, — сказал он задумчиво. — Нет, я знаю,
зачем она. Но что она есть в этой жизни?

— Что ж это я? В таком виде? — вдруг спохватилась Ольга, отступая за ширму. — Отвернитесь!

Плотников послушно отвернулся. Перед ним на стене висели фотографии. На одной из них был запечатлен летний день в загородной местности, люди...

Тем временем за его спиной шла какая-то взволнованная женская работа — что-то шуршало, расстегивалось, мягко переступало по полу, позвякивало, поскрипывало, обтягивая ногу.

А Плотников видел фотографию: летний день, загородная местность...

— Фотографии тут у вас... — задумчиво сказал он. — Интересно.

— Что вы, ничего интересного, — говорила Ольга за его спиной. — Жизнь моя самая простая, какая только может быть у нашей девушки... Происхождение мое пролетарское. Папа гнул горб у бывшего Лаферма, но пал на германской. Мамаша моя была кружевница, скончавшаяся в голодный год, который вы, конечно, знаете...

Летний день, загородная местность, трое мужчин с усами, в выходных пиджаках и картузах, женщина с короной туго перевитых кос, в длинной юбке и кофточке с белым воротничком крепко держит за руку девочку лет двенадцати...

— Сознательность свою как единицы нового общества я поняла рано. По путевке с завода прошла сокращенные курсы шкрабов, то есть школьных работников первой ступени, чтобы учить детей знанию. Я вообще люблю книжки читать.

...Лицо девочки милое, некрасивое, она, как и все, смотрит в фотографический аппарат, но глаза расширены и ждуют...

Ольга стояла перед зеркалом в блузке на бретельках, короткой юбке и туфлях на тонком каблуке. Улыбаясь, понюхала свое плечо.

— «Королева мая», — сказала она. — Хорошие.

Плотников глядел на нее робко и удивленно, словно не узнавал, с тайным восторгом. И молчал.

— Вы на мои руки не смотрите, это не надо, — увидев его взгляд, тихо попросила она. — Картошка и стирка.

— А мне хорошо на вас смотреть, — безгрешно сказал Плотников. — Вы красивая.

— Я? — расширила глаза Ольга, но сразу нахмурилась. — Я свое тело не люблю, зачем мне это? Не нужно...

И, опустив глаза, села к столу. Плотников продолжал стоять, не отводя от нее взгляд.

— Вы на меня смотрите странно как-то, — не поднимая глаз, тихо сказала Ольга. — Вам, наверно, женщина нужна... для здоровья... Я понимаю... что ж... только я так не могу... Вы не обижайтесь, Игнат Васильевич... Не могу я так, не хочу... Сейчас все кругом говорят о проблеме пола, что бывший предрассудок... Не знаю... Я, например, считаю, что есть только любовь...

Она еще ниже опустила голову. И вдруг подняла глаза.

Плотникова в комнате не было. В открытую дверь вползал коридорный мрак.

Ольга подошла к окну.

Туман накатывался на пустырь, постепенно покрывая все пространство белым, сырым сумраком.

Ольга сквозь окно видела, как Плотников в своей шинели с поднятым воротником стоит один на пустыре, засунув руки в карманы.

Туман двигался к нему, подползал к ногам, как дым от огромного пожара, клубился вокруг и скрывал его.

Ольга отошла от окна, села на кровать, в задумчивости скинула туфли и, отстегнув, сняла с ног тонкие, прозрачные чулки.

Она сидела, словно в трансе, и глядела на свои колени. Затем бросилась на кровать, на спину, вытянула ноги и, лежа лицом вверх, со слезами на глазах сжимала и разжимала пальцы разбросанных по сторонам рук.

Окруженный электрическим ореолом, светился в сырых потемках кинотеатр «Идеал». С фасада глядел красавец в маске и с револьвером. Под ним бежали буквы-лампочки: «Балаган жизни», «Балаган жизни»...

Плотников шел мимо по улице.

Из боковой двери кино выходили зрители. Молодой человек в фуражке, его жена в платочке. Девочки-подростки в коротких юбках с паке-тиками конфет. Одинокaя девица. Юнец с поднятым воротником. Красивая женщина в белой шапочке с бантиком сбоку. Ее держал под руку мужчина в клетчатой кепке, с твердыми скулами и волевым взглядом.

— Целлулоид есть целлулоид, — говорил он. — Вы в восторге?

— Мне это кажется... все такое далекое, ненастоящее, как на Марсе, — пожала плечами женщина.

Парочка затерялась в толпе. На улице, под фонарем, стояла, наигрывая на гитаре, компания в клешах. Они нагло смотрели на проходящих женщин.

В толпе, как слепой, пробирался Плотников. Среди нарядных людей, дорогих витрин, сверкающих фарами автомобилей, подъезжающих к ресторанам.

Здание в четыре этажа глядело на темную Мойку. Ярко горели окна. Подъезд был освещен тоже, возле большой афиши-плаката толпились люди, в основном молодежь. Гомон, смех, шутки.

«Жизнь без труда — воровство, а без искусства — варварство» — было написано на транспаранте над входом в дом.

Плотников вошел в подъезд.

Двери небольшого зала раскрыты в широкий коридор. Из зала — свист, крики, громкие голоса. Народу битком. В коридоре у дверей тоже толкуются, напираяют, поднимаясь на цыпочки, пытаюсь заглянуть в зал через головы и спины.

Плотников пробирался в толпе, набившейся в коридор. Задержался у зала, заглянул.

На эстраде трое. Двое сидят, нарочито безразлично покуривая, нога на ногу. Третий, засунув пальцы в рот, свистит оглушительно и разбойно, пытаюсь пересвистеть зал.

— Вы вырождаетесь! — пронзительно кричит девушка из зала, вскочив на стул. — Поэтический импотент!

— Вот уж никак нет! Интересуетесь проверить? — спросил поэт. — Я, товарищ девушка, поэт гениальный, учтите! А у вас вкусы, как у недорезанных буржуев!

В зале ржанье, свист, крики. Кто-то поднимает над головами на палке плакат: «Долой Пушкина!»

— А ваш Шершеневич у Маяковского штаны украл! — орут из зала.

— А ваш Мейерхольд — опиум для народа! — вскочив со стула, паритует человек с эстрады.

Снова свист, гам, крики, смех.

— Лучше послушайте, как я с Божией Матерью беседую! — кричит поэт.

И, сразу, напрягая горло:

Мария, Мария, кого вынашивала?

Пыль бы у ног Твоих целовал за аборт.

Зато теперь на распеленатой земле нашей.

Только я — человек горд!

Хлопки, свист, топот, перебранка между сидящими. Поэт на эстраде, не обращая на это внимания, громче:

Кровью плюем зазорно

Богу в юродивый взор.

Вот по красному черным

Массовый террор.

— Ну? Как? Съели? — обращается он к залу. — Погениальнее будет вашего Пушкина-Мушкина с его «Гавриладиой» тухлой!

Плотников наконец пробился сквозь толпу.

В конце длинного коридора было пусто и неожиданно тихо. На буфетке, приклепленной к стене, была нарисована стрела, под ней надпись: «Красный кружок самодеятельных народных писателей».

Плотников подошел к приоткрытой двери, остановился, прислушался.

В комнате полукругом сидели люди. В центре — печка, рядом стол.

Руководительница, коротко стриженная женщина, стояла у окна с папиросой, стряхивая пепел в ладошку. За столом немолодой, бедно одетый человек рабочего вида сквозь очки читал по тетрадке взволнованно и торжественно:

— Дворец, в нем жил рабочий человек Иван Бессмертный, окружали тысяча прекрасных фонтанов. Прекрасная лебедь плавала в озере...

Руководительница, сделав шаг вперед, перебила наставительно:

— Внимание. В случае Сарычева, товарищи, мы имеем дело с так называемой утопией. Пролетарская литература в силах освоить и этот так называемый жанр. Ну? Кто назовет нам какую-нибудь известную утопию?

Сначала было молчание. Но тут, подняв руку, со своего стула, как на пружине, поднялся тощий белобрысый парнишка. И, стесняясь, сообщил оглушительно, с поднятой рукой:

— Кампанелла! Томас! «Город солнца»!

— Молодец, Гаврюхин, — похвалила руководительница и кивнула рабочему писателю: — Читай, читай, дядя Сарычев.

— Иван Бессмертный, — неожиданно тоже закричал Сарычев, — вскочил со своего бархатного дивана и возгласил: «Есть кто еще на етом свете, чтобы голодные и холодные?» Один верный рабочий, который совсем старенький, но продолженной жизни, и говорит: «Нету. За морями-океянами только есть в цепях кой-какие голодные и холодные рабочие пролетариат...»

Сзади кто-то тронул Плотникова за плечо. Он обернулся. Маленький, плотный, с животом человек. Лысая массивная голова. На плечи накинута пальто.

— Что ж не заходите, товарищ?

Он с интересом смотрел на незнакомого ему человека в шинели со странно серьезным и внимательным лицом.

— Я здесь... Ничего, — ответил Плотников.

Лысый открыл дверь, собираясь войти, но опять оглянулся.

— У вас стихи или проза? — негромко спросил он.

— Так, кое-что, жизнь, каракули... — ответил Плотников. — Всякие мысли...

— Когда мысли — это хорошо, — засмеялся Лысый. — Не желаете? У нас как раз сегодня читка.

— Нет, я в другой раз, — серьезно ответил Плотников.

— Других разов не бывает, товарищ, — загадочно заметил Лысый и вошел в комнату, плотно закрыв за собой дверь.

Плотников отошел по коридору, размышляя. Достал из-за пазухи тетрадь, перелистал исписанные крупными буквами страницы, закрыл и положил в карман. Снова подошел к дверям, прислушался. Решительно открыл дверь и вошел в комнату.

Ветер летит над снежным полем, сдувает сухой снег, гонит его к горизонту. Конный несется по полю...

Плотников, сидя за столом, обвел медленным строгим взглядом лица людей в прокуренной комнате. Сарычев, приоткрыв рот, глядел на него. Лысый неторопливо раскуривал трубку.

Плотников глянул на стол, на желтые исписанные страницы тетрадки. Провел по ним рукой, сглотнул взволнованно и произнес негромко:

— А теперь, братья, вспомним двадцатый год и тихую среди сибирских снегов станцию Рытва, которая сожжена впоследствии жестокого боя промежду красными и белыми. Оставив за собою черное разорище, одним клубком укатились и те и другие в чашу лесов...

Трупы на снегу. Босые, каменные ступни, снежок в волосах. Запекшиеся черные полосы от побоев и пыток, раны. Женщина лицом в снег, спина голая. Рядом мальчик, стеклянные очи, обведенные кругами, смотрят в небо.

— А-а! За что ж вас сказнили, за что смертью лютою замучили? — воют, причитают старухи на коленях и кланяются в снег. — Ах, да на кого ж вы нас покинули?

Хмуро стоят вокруг мужики в мохнатых шапках с красными лентами.

— Что жа эта?! А? За што? За што их?

Мужики укладывают трупы на сани, укрывают рогожей. Бабы, старухи идут за санями, падая в снег, причитая...

Голос Плотникова:

— В тот день с утра начала сгрызать командира лихорадка... Ломота, зноб... Среди болезни, в жаркой внутренней тесноте головы ворочалось осознание происходящей действительности. А это было — плохое положение отряда, наглухо окруженного лесами, потом малодушная задержка соседнего Полозова, от которого ожидалась подмога, и тут еще кроме — пленные, ненужным грузом повисшие на нем и люто опасные на случай повторения боя...

Белые сугробы, черные ели с обвисшими под белой тяжестью лапами. Возле елей, под присмотром конвоиров — пленные. Фуражки, папахи, шинели, шляпы, шубы, пальто.

Рябиновое дерево. Грозди ягод, облепленные снегом.

Юный офицер, одна нога в сапоге, другая босая, обмотанная грязной тряпкой, держит на руках маленького мальчика с русой головой. Мальчик спокойно обнимает его за шею.

Вдоль поезда, вдоль его тронутых винтовочной оспой боков и оскалившихся осколками окон идет по утопанной тропе Плотников в папахе с бантом, в длиннополой шинели, с шашкой на боку.

— За что? За что? — попевает, торопится за ним молодая женщина в меховой шапочке. — Какие каратели? Смешно! Боже! Невинные, мирные люди! А муж? Но это смешно! Господи, ведь он в очках!

Она забегаем вперед, падает перед Плотниковым и хватается его за сапоги.

— Он же в очках, в очках! Пощадите! Вы же добрый! Умоляю!

— Дамочка! Дамочка! — мучительно отдирает Плотников пальцы женщины от своих сапог. — На все своя справедливость, дамочка!

Наконец, взявшись за поручни, влезает в вагон.

Это салон-вагон. Кожаные диваны, пейзаж в раме, генеральская шинель на вешалке. На столе карта, чайник, хлеб. Подушка торчит из разбитого окна.

— Что же это? — шепчет он. — Где? Пospать бы...

Падает на диван... Снег сыплется ему на лицо сквозь пробитую крышу.

Голос Плотникова:

— Тошно, во рту сухость... Что-то сокрушенное напряжением, тоской и предчувствием заныло в груди командира. Горячими, утомившимися глазами увидел он терпеливую бедность своего детства и смутные портреты лиц боевых товарищей, зарытых теперь под землю, в тесноту мертвого сна растений и корней...

Внезапно — грохот орудия, потом тишина, пулеметная дробь и снова грохот. Подушка вылетает из окна.

— Хана, Игнат! — кричит в окно голубоглазый парень в буденовке, сидя на лошади. — Обратно Роденберг на Рытву прет! С антиллерией! Командуй, Плотников! Кончат пленных нада!

— Ты что, Спиря?! — болезненным усилием разлепляет губы Плотников. — Это нельзя! Зачем?!

— Эх! Зачем, зачем! — машет рукой голубоглазый и исчезает.

Орудия все ближе, все громче. Плотников тяжело встает, снова цепляет шашку. Руки его дрожат. Медленно бредет вдоль окон. И вдруг бросается к открытой двери вагона. Кричит что-то, но голос его уже не слышен...

Взрыв, посильнее всех прежних, страшный взрыв сотрясает окрестность и обрушивается на поезд...

Белый снег теперь черный. Усталый, медленный дым поднимается над искореженными, поваленными вагонами...

Кланяются, кланяются старухи над убитыми...

Голос Плотникова:

— Не ведая боле ни о чем, один-одинехонек лежал командир красных. Жалкое тело его, брошенное взрывом через рельсы, стлыло в снегу и умирало покорно. А то необъяснимое, что обыкновенно наполняло его, давало тепло и смысл, давило изнутри на каждое ребро, теперь летало на страшной высоте вместе с птицами. Он глянул оттуда с высоты на землю и увидел беспредельную одинокую белую пустыню, а посреди нее — девочку в холстяной рубахе. Она шла по обледеневшему колючей корой снегу и тащила за руки его мертвое тело...

Валенок на озябшей ноге девочки, волоком тянущей за собой тело, со слабым хрустом продавливает поверхность снега. Другая нога, босая, оставляет небольшие кровавые пятна, следок за следком, следок за следком...

Плотников и Сарычев шли по пустынной окраинной улице вдоль реки. Вечер наступал. Посредине улицы была привязана коза.

Две девицы, одна в белой беретке, другая под летним, в рисунок, зонтиком, гуляли по улице среди луж.

Ветхий домик с верандой, к которому они приблизились, стоял почти у самой воды, стиснутый со всех сторон такими же облезлыми строениями с их крошечными огородами и бедными облетевшими садиками.

У забора на скамье слепец в калошах, постукивая клапанами баяна, негромко наигрывал вальс «На сопках Маньчжурии».

Сарычев провел Плотникова через дворик, и они поднялись по ступенькам крыльца...

В комнате с печкой на столе — чугунок с картошкой, соль в тряпочке, бутылка водки и две рюмки. Лампочка горела. Плотников и Сарычев сидели за столом.

— Кто это? — кивнул Плотников на фотографический портрет женщины в углу, украшенный бумажными цветами. — Жена?

— Супруга, — веско ответил Сарычев, вздохнул и выпил, не чокаясь.

— Какая у вас тут жизнь тихая, — сказал Плотников. — Коза...

— Коза — это ничего. Коза — это называется скотина, — усмехнулся Сарычев. — Так?

— Так, — согласился Плотников.

— А Юденич подходил? Так? — с неожиданным вызовом спросил Сарычев. — А как со смены, не евши, босые, под Пулково, да без патронов? Так?

В дверях комнаты появилась девочка лет четырнадцати, в кофточке, короткой юбке и мужских сапогах. Она тихо присела на табурет у стены и, положив на колени руки и приоткрыв рот, стала смотреть на взрослых.

— А теперь он, ишь, клешами парусит. Шимми! — обиженно говорил Сарычев. — Я шимми не знаю, я полечку «катериночку», одна тыща девятьсот десятый год, знаю! — Он вскочил и, подняв над головой согнутую руку, встал в позу танца. Но передумал, сел и сказал с укором: — А ты — коза! Эх!

Выпил, пожевал картофелину и загрустил, опустив голову.

Плотников серьезно и с напряжением смотрел на него.

— А вы, дяденька, какой цвет лучше любите? — вдруг спросила у Плотникова девочка. — Я, например, розу.

— Я этого не знаю ничего, — смутился Плотников. — Извините.

Сарычев поднял голову.

— Потому что тут трещина сфер, а не коза, — произнес он. — Поскольку народная душа есть великий или тихий океан. Тихий, но великий. То-то!

— Товарищ! — возбужденно сказал Плотников. — Головатовск-город знаешь? Я там три года существовал... Теперь вот здесь... Со всеми...

Он порывисто поднялся, прошел по комнате, отбрасывая тень, и вернулся к столу. Сарычев следил за его действиями молча, удивленно, но одобрительно.

— Почитай еще, — попросил он. — Сочинение.

Плотников достал из-за пазухи свою тетрадку. Лампочка над столом мигнула, но не погасла. Только волосок в ней стал калиться слабее. Плотников взглянул на лампу, сел и опустил глаза в тетрадь, помедлил и начал читать:

— Скажите, братья, чья боль на этом свете больше? Твоя ли, которая мозжит и тоскует в теле? Или та боль всех людей, которые как ненужный остаток общей судьбы брошены на снег станции Рытва, среди кровей и мозгов? Что попусту спрашивать! Поди, стань сам другой, не своей болью! Нет, не выходит никак...

Накал в лампе стал еще больше слабеть. Девочка смотрела на Плотникова и ела семечки из газетного кулька, аккуратно сплевывая шелуху в горстку.

— Командиру в его умирании представлялось, что кто-то роет и пробирается в его покой, под землю. А это девочка Верка в холстяной рубаше, став на коленки, быстро-быстро откидывала красными руками снег, доставая из него голову и плечи командира...

Плотников встал, так ему было ближе к меркнувшей лампе. Он тянулся к ней с тетрадкой и читал, а в полутьме виднелись два лица. Пожилой человек. И его дочка с шелухой на губах, которую она осторожно проговаривала снять языком.

— Он пожалел девочку смертельно. От всех оставшихся сил он захотел оказаться в течение прошедшего боя возле того сарая на станции Рытва. В нем было светло, что ужаснее, и видно, как один мужик с бородатым лицом стоит у двери, двое валят девочку на землю, рвут с нее тулупчик, а третий звенит над ней военным ремнем. «Дяденька! Пожалейте меня, — закричала она, — я еще маленькая!» Мужик сказал: «Ничего, пока штаны расстегну, подрастешь...»

Электричество гасло. Последнее, что увидел Плотников, были глаза Сарычева, из которых ползли по щекам слезы.

— Ты чего? — удивленно спросил Плотников. — Чего, дядя Сарычев?

— Так, — ответил тот. — Человечество жалко.

Стало совсем темно, но голос Плотникова был слышен из темноты:

— И подумалось тогда ему, что всякая трава, и дом, и человек, и зверь, и машина произрастают из одной матери. Корни их там, внутри, в подземной глыбе, переплелись, забытые на тысячи лет. А вершины порозно существуют пока наверху, зачем-то равнодушные к одиночеству своих корней...

Плотников замолчал. В тишине шуршал газетный кулек в руках девочки. Сарычев вздохнул, нашарил в полутьме рюмки и наполнил их. Слабо вспыхнула лампа и снова погасла.

Плотников толкнул в темноте дверь и вышел на крыльцо. Постоял, подставив лицо холодному вечернему ветру, и сел на ступеньки.

Рядом с крыльцом под навесом шелестела солома. Плотников разглядел покорно стоящую корову, девочку-подростка, присевшую с подойником, и другую девочку, совсем маленькую и тонконогую. Она стояла спиной к Плотникову и гладила коровьи ноздри.

— Неси, — тихо сказала старшая. Девочка с ведром пошла через двор. Большие неуклюжие башмаки ее шлепали по грязи. Холодное осеннее небо светилось яркими звездами. Они отражались в лужах, привлекающая девочка своим сиянием и завораживая.

Она кружила вокруг луж, всматриваясь в бездонную глубину отражения.

— Чудно, — тихо и восхищенно вздыхала она. — Ой, чудно!..

— Анют, ты где? — донесся далекий голос.

Девочка вздрогнула и торопливо побежала, растворившись в темноте.

Трубы оркестра, знамена с черными бантами, красноармейцы с винтовками.

В молчании толпились люди напротив Александро-Невского собора, среди надгробий со звездами, над прямоугольной могильной ямой. Человек в полувоенной шинели и пенсне стоял под знаменами у гроба, из которого видны были цветы и руки, сложенные на груди.

— Прощай, товарищ, — говорил он. — Как молния, сверкнула твоя короткая и стремительная жизнь. Но не в могилу мы опустим тебя сегодня, а в историю, которая, клянемся, не забудет ничего, ни Царицын, ни Бугуруслан, ни Рытву...

Рядом с гробом стоял Спиридонов, держа в руке шляпу.

— Прощайтесь, товарищи, — произнес чей-то голос негромко.

Плотников в затылок другим, медленными шагами направился к гробу. Печально играли духовые.

— Да, уходят неповторимые орлы, — подходя к Плотникову, отошедшему уже в сторону, вздохнул оратор в пенсне. — Из ваших ведь, из сибирских?

— Соседи были во всех боях, — тихо сказал Плотников.

— Разговор к тебе имеется, Плотников, — взял его под руку оратор.

И повел к воротам.

— Про Волховстрой слышал, конечно? — и, не дожидаясь ответа: — Грандиозное дело! Кадры нужны позарез. Вспомнили про тебя, красный герой. Хватит тебе болтаться, писатель. Что скажешь?

— Подумать надо, Григорий, — спокойно ответил Плотников.

Нищие стояли у ограды лавры, некоторые на коленях.

За воротами мальчишки разглядывали большой черный автомобиль. Водитель в кожанке сидел за рулем.

Григорий положил руку на плечо Плотникова.

— Запомни, по старому знакомству, — сказал он тихо. — Эпоха наша — весна. Но кой-кому свободно может быть мачеха-осень!

— Это ты про что?

— Про то, — негромко ответил Григорий. — Слышал, ты про Рытву чего-то там копаешь? Сочиняешь. Не надо. Всякая брехня пойдет. А кто был в те поры командующий фронтом? А? Кумекаешь?

Плотников молчал.

— Ну, думай, думай. На днях большую колонну отправляем. Готовься.

Он пошел к черной машине, мальчишки расступились перед ним.

Подросток в рваном клифте, позвякивая кепкой с медяками, стоя рядом с Плотниковым, равнодушно пел тоненьким голосом:

Руку к сердцу прижал наболевшему И так горько, так горько рыдал!

Плотников шел по площади. Мимо, одна за другой, проезжали машины, увозя с кладбища руководителей.

Последняя остановилась рядом с Плотниковым. Открылась дверца.

— Садись, подвезу, — сказал Спиридонов.

— И так дойду, — хмуро ответил Плотников, не оборачиваясь.

Спиридонов вышел из машины, загородил дорогу.

— Ну, не сердчай, командир. Сорвалось с языка, понимаешь? Ну? Хочешь, при всех на колени стану!

— Ты что, Спиря? — растерялся Плотников. — Чего уж там... ладно... — И вдруг, рванувшись к нему, прошептал: — Ведь я тоже мог тогда... Мог?

— Эх, Игнаша, — Спиридонов обнял его за плечи. — Затосковал я что-то по тебе сегодня. Сажу на контрольной комиссии, а сам все про тебя думаю...

Они сели в машину, оба на заднее сиденье. Машина тронулась.

Автомобиль остановился на пустыре, возле дома, где жил Плотников. Мелкий серенький дождик сек по лобовому стеклу.

Перед друзьями была плотная кожаная спина шофера. Они оба молчали.

— Устал я что-то, — наконец мрачно сказал Спиридонов и дотронулся до плеча шофера. — Погуляй маленько, Василий.

Шофер вышел, открыл капот и стал сосредоточенно копаться в моторе.

Спиридонов резко повернулся к Плотникову.

— Конец мне, Игнат! Хана! — тихо сказал он. — Похоже, что лечу. С вершин.

— За что, Спиря?

— Запутался вдрызг. Недостача страшная. Концов не найти... Коммерция, мать ее! Темная штука, Игнат... — Он помолчал. — Да и не только это...

— Что еще?

— Еще? — переспросил Спиридонов. — Да как тебе сказать... Вот ночью сегодня не спал... все думал... и до такого додумался, сказать страшно...

— А ты скажи, я пойму... Я теперь много кой-чего понимаю...

— Знаю, что поймешь, потому и не скажу... — прошептал Спиридонов. — Ну, будь здоров, командир, пора мне.

Он постучал по оконному стеклу. Шофер тут же закрыл мотор и сел в машину.

Спиридонов вдруг засмеялся.

— Нет, браток, погоди! Мы еще поживем, елки-палки, поборемся! Так, Игнат?! Мы еще мировую революцию увидим! Так?

И крепко сжал руку Плотникова. Машина проехала по пустырю, свернула за угол дома. Плотников долго смотрел ей вслед.

Молодой чекист в гимнастерке нес три увесистые папки. Он двигался вдоль стеллажей с такими же папками, лежащими и стоящими на них рядами.

Следом за ним молча шел Плотников. Помещение было полутемное, с редкими голыми лампами слабого накала.

В конце прохода стоял красноармеец с винтовкой.

Наконец чекист остановился у стола напротив окна с тяжелой железной решеткой, положил папки.

— Тут все, что заказывали. Тут Рытва, а эта — краском Плотников, то есть вы, товарищ. Выписки делать будете?

— Не знаю... Может быть...

Чекист придвинул к нему чернильницу-непроливашку, ручку с пером. Стопку белых листов с штемпелями на каждом.

— При выходе сдадите, — сказал он и ушел по проходу.

Плотников придвинул стул и сел к столу.

Развязал тесемки первой папки, открыл ее. Медленно стал рассматривать выцветшие документы, свидетельства и дипломы с двуглавыми орлами.

Фотография. На твердом картоне, с вензелем мастера-фотографа с немецкой фамилией.

Вся большая семья. В хорошей, праздничной одежде. Трое, разного возраста, в рясах, с нагрудными крестами. Один офицер. Простые, крепкие, умные и значительные русские лица. Взрослые сидят, дети, девочки и мальчики в форменных кителях и фуражках, стоят и глядят в аппарат.

Плотников долго смотрел на фотографию. Не отводя от нее взгляда, отложил в сторону. И неожиданно замер и взялся рукой за грудь.

Под большой фотографией открылась маленькая, домашняя, на ней еще совсем молодая женщина с прекрасным любящим лицом. И двое ее сыновей, подростки. Тот, кто слева, чуть наклонил голову к материнскому плечу. Тонкий, нежный отрок, очень похожий на мать, — Игнат Плотников.

Ночью Плотников неподвижно, опустив руки, сидел в своей комнате. Лицо его с нахмуренным лбом выражало какую-то тяжелую и непрерывную мысль. За дверью слышались тихие шаги. В щели под дверью появились босые женские ноги. Осторожный стук. Плотников не обернулся, будто не слышал ничего. Тогда Ольга, не дождавшись, открыла дверь.

Она стояла на пороге и смотрела расширившимися блестящими глазами.

Над ее плечом, как звезда, повисла в дали коридора коммунальная лампочка.

Теперь Плотников тоже глядел на нее. И они оба молчали. Наконец Ольга прикрыла дверь и подошла к нему ближе.

— Что же? — прерывая молчание, с тоской произнес он. — Что же это все?

— Если вы о кривой маске нэпа, то не надо! — тут же, словно готовая к такому вопросу, воскликнула Ольга. — Вы думайте о ясном лице труда! А это не надо. Это пройдет. И мы все опять будем равны.

На подоконнике лежала тетрадь, страницы ее, исписанные крупными буквами, были раскрыты. Ольга дотронулась до них.

— Игнат Васильевич, — сказала она тихо, — почитайте мне ваши мысли.

— А? — странно взглянул на нее Плотников.

Он взял тетрадку и разорвал ее пополам, потом еще раз и еще, все больше измельчая клочки.

Ольга молча следила за ним.

— Потому что не надо, — говорил он, стряхивая приставшие к пальцам бумажки. — Потому что, значит, все путаница, туман. Я ей: «Ты кто, ты мамка моя?» «Я — девочка Верка двенадцати лет, а тебя убили... Убили!» Поняла? Поняла? — Он вздохнул тяжело, повернулся к Ольге, посмотрел ей в глаза и прошептал тихо, со страданием: — А может, и не было ничего... Никакого Головатовска... Так... Болезнь только одна... Смерть... Одинокая пустыня...

Губы у Ольги дрогнули, она взяла его руки и, целуя, заговорила:

— Любимый мой, детынька моя, солнышко мое, успокой свою душу. Все пройдет, все. Все будет хорошо, только ты не терзай об этом сердце свое, кровинушка ты моя, радость ты моя, забудь...

Он молчал. В тишине текло время.

— Пойдем, — глядя ему в глаза, сказала она просто, — пойдем ко мне...

Плотников медленно, будто вырастая, поднялся.

— Я? Я? — прошептал он. — Я?

Ольга смотрела на него спокойно и ясно. Взяла его за руку и повела за собой, пропадая в полутьме.

В ночи белела неясно ладонь, как будто висящая в воздухе. Лунный свет высвечивал вены, пульсирующие кровью, линии и бугры.

Ольга держала ладонь Плотникова совсем близко у глаз.

— Интересно как, — вздохнула она, — непонятно только, загадочно.

На подушке две головы рядом. Ольга и Плотников.

Она провела пальцем по его ладони, по отчетливой, заметной линии.

— Что все это? Зачем? — задумчиво прошептала она. — Я ночью в темноте сожмусь, думаю, думаю... И такие прямо во мне противоречия, такие противоречия! Ребеночка, что ли, самой родить для будущей жизни, для торжества? — Она прижала ладонь Плотникова к своей щеке. — Луна, — сказала она, улыбаясь. — Светит... Мне хорошо, когда луна. Я лунатик, наверное...

Она тихонько засмеялась и взглянула на Плотникова. Он спал.

В темноте текло время. Бились капли воды о дно умывальника. На улице летел ветер. Гудел, затихая, паровоз на горизонте...

...Ветер, летевший по улицам, выл, как в метель. Да и впрямь же была метель на этом свете. В белом, реющем, многослойном тюле

двигались куда-то какие-то колонны, какие-то людские массы... Им не было конца. Сквозь снежную пелену не различить было ни лиц, ни фигур идущих... А они все шли и шли... Ветер гудел. Вьюга, вьюга...

Плотников спал. Губы вздрагивали, бормотали что-то неразборчиво...

Смутные портреты лиц боевых товарищей возникали и тут же пропадали в движении воздуха. Вдруг совсем ясно обозначились лицо и фигура Спиридонова. Он был в краскомовской своей старой шинели, без шапки, рука прижата к груди, а глаза смотрят прощально, с тоской и горечью.

— Алексей, Алеша! — вскрикнул Плотников и открыл глаза.

Тишина. Ольга рядом, смотрит на него спокойно, ясно.

— А? — вздрогнув, спросил он. — Где они? Почему?

— Спи, — тихо сказала Ольга. — Рано еще...

— Снег идет? — тревожно спросил он.

— Какой снег? — удивилась Ольга. — Что с тобой?

— А... Значит, спал, снилось. — Он улыбнулся. — Во сне, во сне...

В серых рассветных потемках толпились на кухне обитатели квартиры. Звяканье посуды, шипение чайников.

Плотников, склонившись над раковинкой, мыл шею и лицо.

Долгий дребезжащий звонок раздался в квартире, затем — сильный стук во входную дверь.

— Гражданин Плотников здесь проживает?

Красноармеец в шлеме и с винтовкой строго обращался к испуганно толпящимся перед ним обитателям квартиры.

— Нет! — опережая всех, быстро выкрикнула Ольга. — Какой вам Плотников? То есть... Нет, не проживает он.

— Зачем? — Подошел сзади по коридору Плотников. — Вот он я.

— Что ж вы, гражданин? — недовольно спросил красноармеец. — Соберитесь.

Ольга, прижавшись лбом к стеклу, смотрела, как в утреннем тумане красноармеец уводит Плотникова по пустырю. Оба высокие, в длинных шинелях.

Григорий, произносивший речь в лавре, сидел за столом в небольшом полутемном кабинете. Окна закрыты шторами. Лампа горит на столе.

Он что-то писал, помешивая ложечкой в стакане. Услышав шаги, поднял голову, посмотрел, шурясь. Нашарил пенсне, надел его и только тогда, улыбнувшись, встал над столом и протянул Плотникову руку.

— Извини, — сказал он устало, — форменная чепуха получилась с твоим арестованием. Велел тебя разыскать, а они... Как говорится, заставь дурака...

— Ничего, я понимаю, — ответил Плотников.

— Садись. — Он показал Плотникову на стул, а сам подошел к дивану, взял подушку и пальто, виновато улыбнувшись, отнес их в угол кабинета, за портьеру.

— Ты что же, и спишь тут, Григорий? — удивленно спросил Плотников.

— Бывает, — вздохнул он, — бывает. Ну, что скажешь, красный герой? Едешь? Или как?

— Еду, — спокойно ответил Плотников. — Что ж. Надо со всеми.

— Вот и хорошо. А то совсем ты скис, браток, со своей Рытвой. Нельзя так.

Григорий погасил лампу, отдернул штору. Слабый утренний свет проник сквозь оконное стекло.

— Ну что ж, — сказал он. — По первому вопросу закончили. Теперь по второму.

Задумался, закурил папиросу. Стоя у окна, спиной к Плотникову, глядя в серую муть за окном, размышлял о чем-то.

— Да, такие дела, Плотников, — вздохнул он, — такие дела...

Плотников удивленно, с тревогой смотрел ему в спину.

— Спиридонова давно видел? — тихо спросил Григорий и обернулся.

— Вчера, — недоуменно ответил Плотников. — Так вместе ж были...

— Вместе, — согласился Григорий и, помолчав, добавил: — А теперь врозь... Такие дела, Игнат... Нету больше Спиридонова. Нет... Застрелился. В четыре утра... Как доложили мне, сразу за тобой послал. Вот и все...

Плотников молчал, глядя перед собой в пол.

— Как же это? — наконец произнес он.

— Сам не пойму, — ответил Григорий. — Запутался, конечно... Недостача, контрагент за кордон смылся... Боялся, видно, что не простят... Эх, что теперь говорить... — Подошел к столу, стал рыться в карманах, вынимая деньги. — Возьми. Оставь там где-нибудь незаметно, для семьи.

Плотников взял деньги и молча вышел из кабинета.

Дверь в квартиру Спиридонова была распахнута. На площадке и в коридоре стояли люди. Кто-то все время входил и выходил.

Стояли, курили, тихо переговаривались. Сквозь стеклянные двери гостиной видны были силуэты.

Плотников заглянул в гостиную. Люди затихли, посмотрели на него удивленно и с интересом. Лица их были незнакомы Плотникову. Он вернулся в коридор, подошел к другой комнате, дверь которой была приотворена.

Беременная жена Спиридонова сидела на кровати, расставив ноги, и обеими руками поддерживала снизу свой огромный живот.

Она тупо смотрела перед собой на стену. Там висела фотография улыбающегося Спиридонова, а рядом была прикреплена атласная куколка.

Плотников прикрыл дверь и вошел в соседнюю комнату.

Свет с трудом проникал сквозь неплотно прикрытые шторы.

Вполутьме Плотников разглядел фигуру, лежащую на диване и прикрытую пальто. Казалось, человек спал, укрывшись с головой. У изголовья дивана чернели на полу небольшие пятна засохшей крови.

Плотников тяжело опустился на стул.

Где-то на улице продребезжал на повороте трамвай. И снова — тишина, скрип половиц в гостиной, негромкие голоса.

Прямо на Плотникова со стены с портрета глядел Спиридонов. Бурка, папаха с лентой. Рука на эфесе шашки. За ним клубились дымы и мчались победно красные конники.

Плотников встал, подошел к дивану и откинул с мертвого лица пальто.

— Прощай навсегда, брат, — едва слышно проговорил он. — В землю уходишь...

Медленно опускался ранний ноябрьский снег на черную воду реки и таял.

Плотников с мешком и чемоданом и Ольга сидели на скамейке у реки.

— Вот и зима скоро, — грустно сказал Плотников.

— Я думала, вас больше не будет никогда, — задумчиво сказала она. Помолчала. — Как же вас искать теперь, если что...

— Волховстрой, Плотникову, — ответил он и замолчал удрученно.

Чуть слышно доносились сюда звуки близкой железнодорожной станции, лязгали буфера на сцепках, гудели паровозы. Где-то играл оркестр и угадывалось неразборчивое гудение вокзального митинга. Откуда-то нечаянно и легко донеслась музыка вальса и пропала.

— А я приеду к вам, — неожиданно сказала Ольга. — Приеду и попрошусь по-хорошему. Что же, не примут меня? Я давно хотела, чтоб строительство и река... Специально на карте города рассматривала...

— Приезжайте, Ольга Васильевна, — сказал Плотников. — Я буду ждать вас...

— Правда? — расширив глаза, не веря, прошептала она, беря его за руку.

— Приезжайте, — повторил он. — Мне хорошо, когда вы есть... Я вас бережь буду, вы не думайте... И не обижу никогда, не бойтесь...

Ольга вдруг заплакала, закрыв лицо.

— Что же вы? Что, Ольга Васильевна? — растерялся Плотников.

— Это так, ничего... Это так, — прошептала она, улыбнувшись. — От радости...

Огромные полотнища метели реют над беспредельным ледяным пространством России. В снежной пелене, в порывах метели движется многочисленная колонна. В голове плывет транспарант. Он кажется черным.

Много в колонне знакомых лиц...

Доктор Вайнтрауб и его жена, девочка-медсестра, с младенцем у груди...

Бедный старик Ухов...

Бывший белый офицер с пробором...

Курносый философ с баржи...

Домработница Спиридонова Маша и жена его...

Артем со шрамом на щеке и человек во френче с кавказским лицом...

Юный агент УгРо Щеглов и его бритый начальник...

Гениальный поэт из Дома искусств и руководительница кружка народных писателей...

И дядя Сарычев с дочкой...

И Григорий, руководитель в пенсне...

Плотников, конечно, среди них, впереди.

Вьюга гудит, скрывая в снежной кутерьме лица идущих. Куда?

Вдоль колонны бежит русоголовый мальчик без шапки, утопая в снегу.

— Плотников! Плотников! — зовет он. — Плотников!

Но голова колонны уже растворилась в метели и времени. Навсегда.

*Москва — Ленинград — Санкт-Петербург
1982—2003 гг.*